

Валерий Брюсов

Семь цветов радуги

Содержание

ОРАНЖЕВЫЙ	0005
SED NON SATIATUS...	0005
СЫН ЗЕМЛИ	0015
ПЕРЕД ТОБОЮ Я	0022
ЗЕЛЕНЫЙ	0031
В СТРАНЕ ТИШИНЫ	0031
НЕВЕДОМЫЙ ПРОХОЖИЙ	0036
ПРИРОДЫ СОГЛЯДАТАЙ	0044
КРАСНЫЙ	0053
ПОД УЛЫБКОЙ СОЛНЦА	0053
В БУЙНОЙ СЛЕПОТЕ	0060
ТАМ, У ВХОДА	0070
ЖЕЛТЫЙ	0079
СТОИМ, МЫ СЛЕПЫ...	0079
ВЫСОКИХ ЗРЕЛИЩ ЗРИТЕЛЬ...	0088
ТАМ, НА ЗАПАДЕ	0100
СИНИЙ	0104
В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ	0104
НА ШУМНЫХ УЛИЦАХ	0113
ДЕТСКИЙ БЛЕСК ОЧЕЙ	0119
ГОЛУБОЙ	0124
В СТАРИННОМ ЗАМКЕ	0124
В МАСКЕ	0131
В ВАШИХ ЧЕРТОГАХ	0142
ФИОЛЕТОВЫЙ	0152

В ДУШЕВНОЙ ГЛУБИНЕ.....	0152
В МИНУТУ ЖИЗНИ.....	0161
НА ПАМЯТНОМ ЛИСТКЕ.....	0167

Валерий Брюсов
СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ
1912–1915

*Еще есть долг, еще есть дело,
Остановиться не пора!*
К. Павлова

Navigetl haec summa est...
Vergilius

ОРАНЖЕВЫЙ

Я САМ

*...Я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной...
А. Фет*

SED NON SATIATUS...

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — этой жизнью хмельной!

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — вечно юной весной!

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — высотой, глубиной!

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — тайной муки страстной!

Вновь я хочу все изведать, что было...
Трепета, сердце, готовь!

Вновь я хочу все изведать, что было:
Ужас, и скорбь, и любовь!

Вновь я хочу все изведать, что было,
Все, что сжигало мне кровь!

Вновь я хочу все изведать, что было,

И — чего не было — вновь!
Руки несытые я протираю
К солнцу и в сумрак опять!
Руки несытые я протираю
К струнам: им должно звучать!
Руки несытые я протираю,
Чтобы весь мир осязать!
Руки несытые я протираю —
Милое тело обнять!
14 августа 1912

ЮНОШАМ

Мне все равно, друзья ль вы мне, враги ли,
И вам я мил иль ненавистен вам,
Но знаю, — вы томились и любили,
Вы душу предавали тайным снам;
Живой мечтой вы жаждете свободы,
Бы верите в безумную любовь,
В вас жизнь бушует, как морские воды,
В вас, как прибой, стучит по жилам кровь;
Ваш зорек глаз и ваши легки ноги,
И дерзость подвига волнует вас,
Вы не боитесь, — ищете тревоги,
Не страшен, — сладок вам опасный час;
И вы за то мне близки и мне милы,
Как стеблю тонкому мила земля:

В вас, в вашей воле черпаю я силы,
Любуюсь вами, ваш огонь деля.
Вы — мой прообраз. Юности крылатой
Я, в вашем облике, молюсь всегда.
Вы то, что вечно, дорого и свято,
Вы — миру жизнь несущая вода!
Хочу лишь одного — быть вам подобным
Теперь и после; легким и живым,
Как волны океанские свободным,
Вносящимся в лазурь, как светлый дым.
Как вы, в себя я полон вещей веры,
Как вам, судьба поет и мне: живи!
Хочу всего, без грани и без меры,
Опасных битв и роковой любви!
Как перед вами, предо мной — открытый,
В безвестное ведущий, темный путь!
Лечу вперед изогнутой орбитой —
В безмерностях пространства потонуть!
Кем буду завтра, нынче я не знаю,
Быть может, два-три слова милых уст
Вновь предо мной врата раскроют к раю,
Быть может, вдруг мир станет мертв и
пуст.

Таким живу, таким пребуду вечно,—
В моих, быть может, чуждых вам стихах,

Всегда любуясь дерзостью беспечной
В неугасимых молодых зрачках!

23 января 1914

Эдинбург II

О ЧЕМ ЕЩЕ МЕЧТАТЬ?

О чем еще мечтать мне в жизни этой?

Все ведомо, изжито, свершено:

От снов травы, лучом весны согретой,

До тихих снов, какими грезит дно;

От муки юноши в минуту страсти,

До сладости в предчувствии конца,

И от пресыщенности дерзкой власти

До гордого безволия творца!

Куда идти, и кто теперь мне нужен,

Пред кем опять мой дрогнет скорбный
дух?

Пусть звезды падают, как горсть жемчужин,

Пусть океан поет мне гимны вслух,

Пусть ангелы и демоны покорно

Встают опять в мерцающем огне,—

Алхимик, на огонь погасший горна

Смотрю без слез в своем безгрозном сне.

Придешь ли снова ты, под новой маской,

Мой давний друг, любезный Сатана,

Меня манить неукротимой пляской
Дев, восстающих с кубками вина?
Иль ты, о, женщина, в обличье новом,
Скромна, как тень, и, словно день, нага,
Меня поманишь к ужасам готовым —
В «Подземное жилище» иль в луга?
Что ж, может быть, на вызов я отвечу,
Что ж, может быть, расслышу старый зов,
Но лишь затем, что верным луком мечу
В себя, — как сын Лаэрта в женихов.
Я гибели хочу, давно, упрямо,
Ее ищу, но отступает Смерть,
И всё, как купол чуждого мне храма,
Надменно надо мной сверкает твердь!
31 января 1914
Эдинбург II

ОЖЕРЕЛЬЕ

Руки, вечно молодые,
Миг не смея пропустить,
Бусы нижут золотые
На серебряную нить.
Жемчуг крупный, жемчуг малый
Нижут с утра до утра,
Жемчуг желтый, жемчуг алый
Белой нитью серебра.

Кто вы, радостные парки,
Вы, работницы судеб?
Нити пестры, нити яркие,
В белом блеске я ослеп.
Не моя ли жизнь — те нити?
Жемчуг — женские сердца?
Парки вещи, нижите
Яркий жемчуг до конца!
Выбирайте, подбирайте
Жемчуг крупный и простой,
Круг жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!
Нить почти полна! немножко
Остается бус, — и вот
Золоченая застежка
Ожерелье — Смерть — замкнет!

10 января 1912

ЛЕТОМ 1912 ГОДА

Пора сознаться: я — не молод; скоро сорок.
Уже не молодость, не вся ли жизнь про-
шла?

Что впереди? обрыв иль спуск? но, общий
ворог,

Стоит старуха-смерть у каждого угла.

Я жил, искал услад, и правых и неправых,

Мне сны безумные нашептывала страсть,
Губами припадал ко всем земным отравам,
Я знал, как радует, как опьяняет власть.
Меж мук и радостей, творимых и случай-
ных,
Я, в лабиринте дней ища упорно путь,
Порой тонул мечтой в предвечно-страш-
ных тайнах
И в хаос истины порой умел взглянуть.
Я дрожь души своей, ее вмещая в звуках,
Сумел на ряд веков победно сохранить,
И долго меж людей, в своих мечтах и му-
ках,
В своих живых стихах, как феникс, буду
жить.
И в длинном перечне, где Данте, где Верги-
лий,
Где Гете, Пушкин, где ряд дорогих имен,
Я имя новое вписал, чтоб вечно жили
Преданья обо мне, идя сквозь строй вре-
мен.
Загадку новую я задал для столетий,
На высях, как маяк, зажег мечту свою...
Об чем же мне жалеть на этом бедном све-
те?

Иду без трепета и без тревог стою.

Взмахни своей косой, ты, старая! Быть может,

Ты заждалась меня, но мне — мне все равно.

В час роковой меня твой голос не встревожит:

Довольно думано! довольно свершено!

1912

ДОЛЖЕН БЫЛ...

Должен был Герострат сжечь храм Артемиды в Эфесе,

Дабы явить идеал жаждущих славы — векам.

Так же Иуда был должен предать Христа на распятие:

Образ предателя тем был завершен навсегда.

Был Фердинанд принужден оковать цепями Колумба:

Ибо те цепи — пример неблагодарных владык.

А Бонапарте? он мог ли остаться в убежище Эльбы?

Был бы Елены гранит лишним тогда на

земле!

Пушкин был должен явить нам, русским,
облик Татьяны,

Тютчев был должен сказать: «Мысль изре-
ченная —
ложь!»

Так и я не могу не слагать иных, радост-
ных, песен,

Ибо однажды они были должны прозвучать!

4 апреля 1915

Варшава

ПАМЯТНИК

Sume superbiam...

Horatius[1]

Мой памятник стоит, из строф созвучных
сложен.

Кричите, буйствуйте, — его вам не сва-
лить!

Распад певучих слов в грядущем невозмо-
жен, —

Я семь и вечно должен быть.

И станов всех бойцы, и люди разных вку-
сов,

В каморке бедняка, и во дворце царя,
Ликуя, назовут меня — Валерий Брюсов,
О друге с дружбой говоря.

В сады Украины, в шум и яркий сон столи-
цы,

К преддверьям Индии, на берег Иртыша,—
Повсюду долетят горящие страницы,
В которых спит моя душа.

За многих думал я, за всех знал муки стра-
сти,

Но станет ясно всем, что эта песнь. — о
них,

И, у далеких грез в неодолимой власти,
Прославят гордо каждый стих.

И в новых звуках зов проникнет за преде-
лы

Печальной родины, и немец, и француз
Покорно повторят мой стих осиротельный,
Подарок благосклонных Муз.

Что слава наших дней? — случайная заба-
ва!

Что клевета друзей? — презрение хулам!
Венчай мое чело, иных столетий Слава,
Вводя меня в всемирный храм.

Июль 1912

СЫН ЗЕМЛИ

Я — сын земли...

В. Б.

СЫН ЗЕМЛИ

Я — сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ином.
Я — сын земли, где дни и годы — кратки.
Где сладостна зеленая весна,
Где тягостны безумных душ загадки,
Где сны любви баюкает луна.
От протоплазмы до ихтиозавров,
От дикаря, с оружием из кремня,
До гордых храмов, дремлющих меж лав-
ров,
От первого пророка до меня,—
Мы были узники на шаре скромном,
И сколько раз, в бессчетной смене лет,
Упорный взор земли в просторе темном
Следил с тоской движения планет!
К тем сестрам нашей населенной суши,
К тем дочерям единого отца

Как много раз взносились наши души,
Мечты поэта, думы мудреца!
И, сын земли, единый из бессчётных,
Я в бесконечное бросаю стих,—
К тем существам, телесным иль бесплот-
НЫМ,

Что мыслят, что живут в мирах иных.
Не знаю, как мой зов достигнет цели,
Не знаю, кто привет мой донесет,
Но, если те любили и скорбели,
Но, если те мечтали в свой черед
И жадной мыслью погружались в тайны,
Следя лучи, горящие вдали,—
Они поймут мой голос не случайный,
Мой страстный вздох, домчавшийся с зем-
ли!

Вы, властелины Марса иль Венеры,
Вы, духи света иль, быть может, тьмы,—
Вы, как и я, храните символ веры:
Завет о том, что будем вместе мы!

1913

ЗЕМЛЕ

*Я — ваш, я ваш родич, священные гады!
Ив. Каневской*

Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков.
К зеленым далям с детства взор приучен,
С единственной луной сжилась мечта,
Давно для слуха грохот грома звучен,
И глаз усталый нежит темнота.
В безвестном мире, на иной планете,
Под сенью скал, под лаской алых лун,
С тоской любовной вспомню светы эти
И ровный ропот океанских струн.
Среди живых цветов, существ крылатых
Я затоскую о своей земле,
О счастье рук, в объятии тесном сжатых,
Под старым дубом, в серебристой мгле.
В Эдеме вечном, где конец исканьям,
Где нам блаженство ставит свой предел,
Мечтой перенесусь к земным страданьям,
К восторгу и томленью смертных тел.
Я брат зверью, и ящерам, и рыбам.
Мне внятен рост весной встающих трав,
Молюсь земле, к ее священным глыбам
Устами неистомными припав!

25 августа 1912

ПРЕДВЕЩАНИЕ

Быть может, суждено земле
В последнем холоде застынуть;
Всему живому — в мертвой мгле
С безвольностью покорной сгинуть.
Сначала в белый блеск снегов
Земля невестой облачится;
Туман, бесстрастен и суров,
Над далью нив распространится;
В мохнатых мантиях, леса —
Прозрачных пальм, как стройных сосен, —
Напрасно глядя в небеса,
Ждать будут невозможных весен;
Забыв утехи давних игр,
Заснут в воде промерзшей рыбы,
И ляжет, умирая, тигр
На бело-ледяные глыбы...
Потом иссякнет и вода,
Свод неба станет ясно синим,
И солнце — малая звезда —
Чуть заблестит нагим пустыням
Пойдет последний человек
(О, дети жалких поколений!)
Искать последних, скудных рек,
Последних жалостных растений

И не найдет. В безумьи, он
С подругой милой, с братом, с сыном,
Тоской и жаждой опьянен,
Заспорит о глотке едином.
И все умрут, грызясь, в борьбе,
Но глаз не выключают им птицы.
Земля, покорная судьбе,
Помчит лишь трупы да гробницы.
И только, может быть, огни,
Зажженные в веках далеких,
Всё будут трепетать в тени,
Как взоры городов стооких.
1913

ЗЕМЛЯ МОЛОДАЯ

Зданья громадные стройте,
Высьте над башнями башни,
Сводом стеклянным закройте
Свободные пашни;
Солнцами солнце затмите,
Реки замкните гранитом,
Полюсы соедините
Тоннелем прорытым;
Правьте движеньем планеты,—
Бегом в пространстве небесном,
Бросьте сигнальные светы

Мирам неизвестным;
Воля проснется природы,
Грозно на дерзких восстанет,
Рухнут прозрачные своды,
Железо обманет;
Сгинут твердыни во прахе;
Здесь, над погостом столицы,
Дики покажутся взмахи
Полуночной птицы;
Выйдут и львы и медведи
Вновь из забытой берлоги,
Лягут на плитах из меди
В упавшем чертоге;
Вскроет, — глухим содроганьем
Прежнее племя сметая, —
Дали — грядущим созданьям
Земля молодая!

11 мая 1913

ДЕТСКИЕ УПОВАНИЯ

Снова ночь и небо, и надменно
Красный Марс блистает надо мной.
Раб земли, окованный и пленный,
Что томиться грезой неземной?
Не свершиться детским упованьям!
Не увидишь, умиленный, ты —

Новый луч над вечным мирозданием:
Наш корабль в просторах пустоты!
Не свершишь ты первого полета,
Не прочтешь и на столбцах газет,
Что безвестный, ныне славный, кто-то,
Как Колумб, увидел новый свет.
Что ж, покорствуй! Но душа не хочет
Расставаться с потаенным сном
И, рыдая, радостно пророчит
О великом имени земном.
О, ужель, как дикий краснокожий,
Удивится пришлецам Земля?
И придет крестить любимец божий
Наши воды, горы и поля?
Нет! но мы, своим владея светом,
Мы, кто стяг на полюс донесли,
Мы должны нести другим планетам
Благовестье маленькой Земли.

1914

Зегевольд

ПЕРЕД ТОБОЮ Я

*Но что мной зримая вселенна
И что перед Тобою я!
Г. Державин*

ГИМН БОГАМ

Я верую в мощного Зевса, держащего выси
вселенной

Державную Геру, чьей волей обеты семей-
ные святы

Властителя вод Посейдона, мутящего глуби
трезубцем

Владыку подземного царства, судью непод-
купного Гада

Великую мудрость Паллады, дающей от-
важные мысли

Губящую Ареса силу, влекущего дерзост-
ных к бою;

Блаженную мирность Деметры, под чьим
покровительством пашни

Священную Гестии тайну, чьей благостью
дом

осчастливлен

Твой пояс, таящий соблазны, святящая

страсть,
Афродита;
Твой лук с тетивой золоченой, ты, дева во-
век, Артемида;
Певуче-бессмертную лиру метателя стрел
Аполлона;
Могучий и творческий молот кующего
тайны Гефеста;
И легкую, умную хитрость посланника с
крыльями Герма.
Я верую, с Зевсом начальным, в двена-
дцать бессмертных.

Стихии

Покорны их благостной воле; земля, подзе-
мелье и небо

Подвластны их грозным веленьям; и
смертные, с робким

восторгом,

Приветствуют в образах вечных — что бы-
ло, что есть и
что будет.

Храните, о боги, над миром владычество
ныне и присно!

1913

ГИМН АФРОДИТЕ

Гимны слагать не устану бессмертной и
светлой богине.

Ты, Афродита-Любовь, как царила, так цар-
ствуешь ныне.

Алыми белый алтарь твой венчаем мы
снова цветами,

Радостный лик твой парит с безмятежной
улыбкой над
нами.

Правду какую явить благосклонной улыб-
кой ты хочешь?

Мрамором уст неизменных какие виденья
пророчишь?

Смотрят куда неподвижно твои беззакат-
ные очи?

Дали становятся уже, века и мгновенья —
короче:

Да, и пространство и время слились, — где
кадильница

эта,

Здесь мудрецов откровенья, здесь вещая
тайна поэта,

Ноги твои попирают разгадку и смысл ми-
розданья.

Робко к коленам твоим приношу умилен-

ную дань я.

С детства меня увлекала к далеким святыням тревога,

Долго в скитаньях искал я — вождя, повелителя, бога,

От алтарей к алтарям приходил в беспокойстве всегдашнем,

Завтрашний день прославлял, называя сегодня —

вчерашним.

Вот возвращаюсь к тебе я, богиня богинь Афродита!

Вижу: тропа в бесконечность за мрамором этим открыта.

Тайное станет мне явным, твоей лишь поверю я власти,

В час, как покорно предамся последней, губительной

страсти...

30 июня — 1 июля 1912

ЦАРИЦА СТРАСТЬ

Ты к мальчику проникнешь вкрадчиво,

Добра, как старшая сестра;

Браня его, как брата младшего,

Ты ласково шепнешь: «Пора!»

В насмешливом, коварном шепоте
Соблазн неутолимый скрыт.
И вот — мечта о жгучем опыте
Сны и бессонницу томит.
Ты девушку, как мать, заботливо,
Под грешный полог проведешь;
В последнем споре изворотливо
Найдешь губительную ложь;
В минуты радости изменчивой
Подскажешь тихо: «Ты права!»
И вынудишь язык застенчивый
Твердить бесстыдные слова.
Ты женщине, как друг испытанный,
Оставшись с ней наедине,
Напомнишь про роман прочитанный,
Про облик, виденный во сне.
И, третья между двух, незримая,
В альковной душной темноте,
Как цель, вовек недостижимая,
Покажешься ее мечте.
Кто, кто из нас тебе, обманчивой,
Не взмолится, без слов, тайком?
Ты нежно скажешь: «Не заканчивай
Томящих грез: я — пред концом...»
И, видя в слабости поверженным

Блаженно-жалкого раба,
Вдруг засмеешься смехом сдержанным,
Царица, воля чья — Судьба!
Декабрь 1914 — Март. 1915

ИСТИННЫЙ ОТВЕТ

«Ты умрешь, и большего не требуй!
Благ закон всевидящей Судьбы».
Так гласят, вздымая руки к небу,
Бога Вишну хмурые рабы.
Под кумиром тяжким гнутся зебу,
Выпрямляя твердые горбы.
«Ты живешь, и большего не надо!
Высший дар Судьбой всезрящей дан».
Восклицает буйная менада,
Подымая высоко тимпан.
В роще лавров — тихая прохлада,
Мрамор Вакха — солнцем осиян.
«Жизнь отдать за вечный Рим, в котором
Капля ты — будь этой доле рад!»
Так оратор, с непреклонным взором,
Говорит под сводами аркад.
Солнце щедро льет лучи на форум,
Тоги белые в лучах горят.
«Эта жизнь — лишь краткий призрак сон-
ный,

Человек! Жизнь истинная — там!»
В черной рясе инок изможденный
Вопиет мятущимся векам.
Строги в высь ушедшие колонны,
Сумрачен и беспощаден храм.
«Единенье атомов случайных —
Наша жизнь, смерть — распаденье их».
Рассуждает, фрак надев, о тайнах
Черт, в кругу учеников своих.
За окном напев звонков трамвайных,
Гул бессвязный шумов городских.
Жрец на зебу, пьяная вакханка,
Римский ритор, пламенный аскет,
Хитрый черт, с профессорской осанкой,
Кто ж из них даст истинный ответ?
Ах, не ты ль, с прозрачным ядом стклянка?
Ах, не ты ль, отточенный стилет?

1913

Петербург

ULTIMA THULE

Где океан, век за веком, стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом
гуле,
Высится остров, давно моряками забы-
тый,—

Ultima Thule.

Вымерли конунги, здесь что царили ко-
гда-то,

Их корабли у чужих берегов затонули.

Грозно безлюдье вокруг, и молчаньем объ-
ята

Ultima Thule.

Даже и птицы чуждаются хмурых прибре-
жий,

Где и тюлени на камнях не дремлют в
июле,

Где и киты проплывают все реже и реже...

Ultima Thule.

Остров, где нет ничего и где все только бы-
ло,

Краем желанным ты кажешься мне пото-
му ли?

Властно к тебе я влеком неизведанной си-
лой,

Ultima Thule.

Пусть на твоих плоскогорьях я буду еди-
ным!

Я посещу ряд могил, где герои уснули,

Я поклонюсь твоим древним угрюмым ру-
инам,

Ultima Thule.

И, как король, что в бессмертной балладе
помянут,

Брошу свой кубок с утеса, в добычу акуле!

Канет он в бездне, и с ним все желания ка-
нут...

Ultima Thute!

Апрель 1915

ЗЕЛЕНЫЙ

В СТРАНЕ ТИШИНЫ

*И сердце не верит в стране тишины...
«Венок»*

В РАЗНЫЕ ГОДЫ

В разные годы
К вам приходил я, граниты,
Глядеться в недвижно-прозрачные воды;
Приносил и веселье и грусть,
Приходил и у страсти во власти, и стран-
но-ничей,
И вы,
Мохом и вереском алым повиты,
В коронах из царственных сосен,
Встречали меня, как волхвы,
Всегда, — и с тех пор
Помню я наизусть
И сладкие ласки зеркальных озер,
И напевы волшебные белых ночей,
И младенческий лепет вкрадчивых весен,
И Иматры белоголовой
Немолчные стоны.

И снова
На бурные камни, на зеленые склоны
Я принес роковую печаль...
Предвечную мудрость храня,
Опять на меня
Поглядите сурово,
Как смотрите вы в бесконечную даль,
И под рев водопада, под ропот озерный,
Под шелест чуть слышный хвои
Шепните, что вы, горделиво упорны,
Столетия таите от мира страданья свои!
1913

ИМАТРА

Кишат, шумит. Она — все та же,
Ее не изменился дух!
Гранитам, дремлющим на страже,
Она ревет проклятья вслух.
И, глыбы вод своих бросая
Во глубь, бела и вспенена,
От края камней и до края,
Одно стремление она.
Что здесь? драконов древних гривы?
Бизонов бешеных стада?
Твой грозный гул, твои извивы
Летят, все те же, сквозь года.

Неукротимость, неизменность,
Желанье сокрушить свой плен
Горят сквозь зыбкую мгновенность
Венчанных радугами пен!
Кипи, шуми, стремись мятежней,
Гуди, седой водоворот,
Дай верить, что я тоже прежний
Стою над распрей прежних вод!
6 июня 1913

Imatra

НАД ИМАТРОЙ

Размер ямбического триметра
Мне слышен в гуле вод твоих.
В твоём глухом гуденьи, Иматра,
Есть правильный и строгий стих.
И сосны, в лад с тобой раскачены,
Колебля рыжие стволы,
Слагают гимн, людьми утраченный,
Вам вторя, пенные валы.
Пещеры, откликами смутными
Вливаясь в ваш созвучный хор,
Ведут с громадами минутными
Давно начатый разговор.
И даже дольмены гранитные,
В ответ на ваш немолчный нов,

Возносят песни первобытные,
Клир еле слышных голосов.
Всё вокруг, в затишье и под ветрами,
Под солнцем, при луне, во мгле,
Поет назначенными метрами
Хвалу стоустую Земле!

1913

Imatra

У КРУГЛОГО КАМНЯ

Белея, ночь приникла к яхте,
Легла на сосны пеленой...
Отава, Пейва, Укко, Ахти,
Не ваши ль тени предо мной?
Есть след ноги на камне старом,
Что рядом спит над гладью вод.
Туони! ты лихим ударом
Его отбросил от ворот!
Бывало, в грозные хавтаймы,
Неся гранитные шары,
Сюда, на тихий берег Саймы,
Вы все сходились для игры.
Где ныне косо частоколом
Вдали обведены поля,
Под вашим божеским футболом
Дрожала древняя земля.

И где теперь суровый шкипер
Фарватер ищет между скал,
Когда-то Юмала-голкипер
Лицо от пота омывал.
Былые матчи позабыты,
И вы — лишь тени в белой мгле,—
Но тяжкие мята-граниты
Лежат в воде и на земле.

1913

Вуоксенниска

САЙМА

Лодка, порывистым ветром качаема,
Килем валы опененные режет.
Снова прибоями сизая Сайма
Старые камни побережия нежит.
Видны извилины берега пестрого;
Дачи и сосны, пески и граниты...
Вырос над волнами маленький остров,
Пеной, как кружевом, нежно повитый.
Справа — утесы: лишь ели да верески;
Срыв недоступный — коричнев и зелен.
Ветер навстречу, упорный и резкий,
Свищет надменно из древних расщелин.
Слева — по светлому склону рассеяны,
Белыевиллы, с ласкающим садом,

В воду глядятся, как смотрят в бассейны
Жены гаремов прищуренным взглядом.
Сайма ласкает, почти успокоена,
Нас, и гранит, и садовые флоксы,
Чтобы потом, исступленно и знойно,
Броситься грудью на камни Вуоксы.
8 июля 1913
Вуоксенниска

НЕВЕДОМЫЙ ПРОХОЖИЙ

*Я — неведомый прохожий
В суете других бродяг...
«Urbi et Orbi»*

ЗАКАТ НАД МОРЕМ

Над морем из серого крепа,
На призрачно-розовом шелке,
Труп солнца положен; у склепа
Стоят паруса — богомолки,
Пред ними умерший владыка
Недавно горевшего дня...
Ложатся от алого лика
По водам зигзаги огня.
Вот справа маяк полусонный
Взглянул циклопическим взором;

Весь в пурпуре, диск удлиненный
Совпал с водяным кругозором;
И волн, набегающих с силой,
Угрюмей звучат голоса...
Уже над закрытой могилой;
Померкнув, стоят паруса.
20 июля 1913

Noordwijk-aan-Zee

НАД СЕВЕРНЫМ МОРЕМ

Над морем, где древние фризы,
Готвя отважный поход,
Пускались в туман серо-сизый
По гребням озлобленных вод,—
Над морем, что, словно гигантский,
Титанами вырытый ров,
Отрезало берег британский
От нижнегерманских лугов,—
Бреду я, в томленьи счастливом
Неясно-ласкающих дум,
По отмели, вскрытой отливом,
Под смутно-размеренный шум.
Волна набегаёт, узорно
Извивами чертит песок
И снова отходит покорно,
Горсть раковин бросив у ног;

Летит красноклювая птица,
Глядя на меня без вражды,
И чаек морских вереница
Присела у самой воды;
Вдали, как на старой гравюре,
В тумане уходит из глаз,
Привыкший к просторам и к буре,
Широкий рыбацкий баркас...
Поют океанские струны
Напевы неведомых лет,
И слушают серые дюны
Любовно-суровый привет.
И кажутся сердцу знакомы
И эти напевы тоски,
И пенные эти изломы,
И влажные эти пески,
И этот туман серо-сизый
Над взрытыми далями вод...
Не с вами ли, древние фризы,
Пускался я в дерзкий поход?
5 июля 1913
Scheveningen

ОКЕАН И ДЮНЫ

Рушатся волн белопенные гребни,
Глади песков заливают прилив;

Море трубит все надменной, хвалебней
Древний любовный призыв.

Слушают дюны: привычны им песни

С детства знакомого друга-врага;

Пусть он грозит: год за годом чудесней
Дальше растут берега.

Новой грядой выдвигаются дюны,

Груди свои поднимают, — а он,

Вечно влюбленный, и сильный, и юный,

Страстью былой распален.

Рушатся белые гребни все ближе

К дюнам недвижимым; их сдвинутый ряд

Смело встречает насильника. Чьи же

Силы в борьбе победят?

Миг — и впились опененные губы

Прямо в высокие груди-сосцы...

Чу! то играют отзывные трубы:

Слиты в объятьи бойцы...

9 июля 1913

Noordwijk-aan-Zee

В ГОЛЛАНДИИ

Эти милые, красно-зеленые домики,
Эти садики, в розах и желтых и алых,
Эти смуглые дети, как малые гномики,
Отраженные в тихо-застывших каналах,—

Эти старые лавки, где полки уставлены
Рядом банок пузатых, давно закоптелых,
Этот шум кабаков, заглушенный, подав-
ленный,

Эти рослые женщины в чепчиках белых,—
Это всё так знакомо, и кажется; в сказке я,
И готов наважденью воскликнуть я: vade!

[2]

Я с тобой повстречался, Рембрандтова Сас-
кия?

Я в твой век возвращен, Адриан ван Оста-
де?

13 июля 1913

Leiden

К СЕВЕРНОМУ МОРЮ

Я пришел с тобой проститься, море,
Может быть, на долгие года.
Ты опять — в сверкающем уборе,
В кружевах из пены, как всегда.
И опять валы неутомимо
Ты стремишь на сглаженный песок,
Как в те дни, когда впервые — Рима
Ты вдали заметило значок.
Те же ветры сумрачные дули,
Те же облака бесстрастно шли,

В дни, когда отсюда строгий Юлий
Вел на диких бриттов корабли.
И туман над ширью океанской
Так же плыл, торжественно-суров,
В дни, когда сзывал Вильгельм Оранский
За свободу родины бойцов.
А когда озолотило чудо
Амстердам, и Лейден, и Анвер,—
Те же дали видели отсюда
Гальс, Ян Стен, Гоббема и Фермер.
Кесарю, Вильгельмам, чародеям
Кисти — лепетало ты привет.
Тем же гулом ласковым лелеем,
Я теперь тебе шепчу ответ.
Проходи, о, море, неизменным
Сквозь века, что поглощают нас,
И узором, призрачным и пенным,
Покрывай пески в урочный час!
Июль 1913

Noordwijk-aan-Zee

ЗИМНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Я скорей тебя увидел снова,
Чем я ждал, простор соленых вод,
Но как грустно, грозно и сурово
Ты влачишь валы на твердый лед!

Набегает черный вал с разбега,
Белой пены полосой повит,
На предел белеющего снега,—
И покорно стелется, разбит.
Облака, как серые громады,
Медленно над далями плывут,
Словно эти дымы моря — рады
Отдохнуть, свершив свой летний труд.
Рыжих сосен поросли на дюнах
Ждут, когда наступит черный мрак,
Вспыхнут огоньки на мерзлых шкунах,
Завращает красный глаз маяк.
Здравствуй, море, северное море,
Зимнее, не знакомое мной!
Новое тебе принес я горе,
Новое, не бывшее весной!
Успокой, как летом, и обрадуй
Бесконечным ропотом валов,
Беспредельной сумрачной усладой
Волн, идущих сквозь века веков!

18 декабря 1913

Эдинбург II

ВЕЧЕР НАД МОРЕМ

Желтым золотом окрашены
Дали в просветы хвои.

Солнца луч полупогашенный
Бьет в прибрежные струи.
Море сумрачное движется,
Льдины белые неся.
В облаках чуть зримо нижеется
Светло-синяя стезя.
Краски пламенно-закатные
Хмурым днем помрачены,
Но все те ж движенья ратные
Вечно зыблемой волны.
Меркнет огненное золото,
Скрыто облачным плащом,—
И в последний раз уколото
Море гаснущим лучом.

Декабрь 1913

Эдинбург II

ПРИРОДЫ СОГЛЯДАТАЙ

Природы праздный соглядатай...

А. Фет

ВЕЧЕРНИЙ ПАН

Вечерний Пан исполнен мира,
Не позовет, не прошумим
Задумчив, на лесной поляне,
Следит, как вечер из потира
Льет по-небу живую кровь,
Как берега белеют вновь
В молочно-голубом тумане,
И ждет, когда луч Алтаира
В померкшей сини заблестит.
Вечерний Пан вникает в звуки,
Встающие во мгле кругом:
В далекий скрип пустой теле! и,
В журчанье речки у излуки
И в кваканье глухих прудов.
Один, в безлюдии святом,
Он, в сладком онеменьи неги,
Косматые вздымает руки,
Благословляя царство снов.

1914

Опалиха

ВЕЧЕРОМ В ДОРОГЕ

Кричат дрозды; клонясь, дрожат
Головки белой земляники;
Березки забегают в ряд,
Смутясь, как девы полудикие.
Чем дальше, глубже колеи;
Вот вышла ель в старинной тальме...
Уже прозрачной кисеи
Повисла завеса над далями.
Вновь — вечер на лесном пути,
Во всем с иным, далеким, сходен.
Нет, никуда нам не уйти
От непонятно милой родины!
Чу! не прощанье ль крикнул дрозд?
Клонясь, дрожит иван-да-марья.
В просвете — свечи первых звезд
И красный очерк полушария.

ВЕСНОЙ

Попискивают птицы
В роще березовой;
Сетят листья тень
На песок почти розовый;
Облачков вереницы
Стынут в лазури ясной;

Расцвел пригожий день,
С душой согласный.
Эти зеленые травы,
Современницы нашей планеты,
Эта предельная синь,
Эти весенние светы,—
Исполнены древней отравы,
Пьянящей, от века до века,
Странника мировых пустынь,—
Человека.

1914

Опалила

ВЕСЕННЕЕ

Остеженный последним снегом,
Весну встречая, грезит лес,
И тучи тешатся разбегом,
Чертя аэродром небес.
Кто, исхищенный как китаец,
Из туч ряды драконов сплел?
А, под березой, зимний заяц
Оглядывает, щурясь, дол.
Вдали водоворотит море
На нажать хлынувшей реки,
И крыши изб на косогоре,
Как нежная постель, — легки.

Не нынче ль смелой увертюрой
Смутит нас первая гроза?
Но солнце, из-за ткани хмурой,
Глядит на нас, как глаз в глаза.
Опять в душе кипит избыток
И новых рифм, и буйных слов,
И пью, как нежащий напиток,
Я запах будущих цветов.
Март 1912

Подольск

НОЧЬЮ СВЕТОЙ

Ночи светлой, ночи летней
Сумрак лег над далью сонной.
Цвет и краски незаметней,
Воздух дышит благовонный.
То река иль то дорога
Вьет меж потемневших пашен?
К небу ветви поднял строго
Старый дуб, суров и страшен.
Огоньки в окошках блещут,
Небо чище и открытой,
В нежной сини чуть трепещут
Пары телеграфных нитей...
1912
Подольск

ЦВЕТИКИ УБОГИЕ

Цветики убогие северной весны,
Веете вы кротостью мирной тишины.
Ландыш клонит жемчуг крупных белых
слез,

Синий колокольчик спит в тени берез,
Белая фиалка высится, стройна,
Белая ромашка в зелени видна,
Здесь иван-да-марья, одуванчик там,
Желтенькие звезды всюду по лугам,
Изредка меж листьев аленький намек,
Словно мох, бессмертный иммортель-цветок,—

Белый, желтый, синий — в зелени полян,
Скромный венчик небом обделенных
стран

4 июня 1912

Опалила

КРОТ

Роет норы крот угрюмый;
Под землей чуть слышны шумы
С травяных лугов земли:
Шорох, шелест, треск и щебет...
Лапкой кожу крот теребит:
Мышь шмыгнула невдали.

У крота дворец роскошен,
Но, покуда луг не скошен,
Людам тот дворец незрим.
Под цветами скрыты входы,
Под буграми — залы, своды...
Крот, ты горд дворцом своим!
Роет черный крот-строитель.
Темных, теплых комнат житель,
Он чертог готовит свой,
Ставит твердые подпоры
И запасы носит в норы,
Пряча в дальней кладовой.
Милый крот, слепой рабочий!
Выбирай темнее ночи,
Берегись сверканий дня!
Будет жалко мне немного
Повстречать, бредя дорогой,
Черный трупик подле пня.

1913

ТУМАН ОСЕННИЙ

Туман осенний струится грустно над серой
далью нагих
полей,
И сумрак тусклый, спускаясь с неба, над
миром виснет

все тяжелей,
Туман осенний струится грустно над серой
далью в немой
тиши,
И сумрак тусклый как будто виснет над
темным миром
моей души.
Как будто ветлы стоят над речкой, как буд-
то призрак
дрожит близ них...
Иль только клубы дрожат тумана над се-
рой далью полей
нагих?
Как будто птица, качая крылья, одна
мелькнула в немой
тиши...
Иль только призрак мелькнул былого над
темным миром
моей души?
Здесь было солнце! здесь были нивы! здесь
громкий говор
жнецов не тих!
Я помню счастье, и поцелуи, и мной пропе-
тый звенящий
стих!

Туман осенний, плывущий грустно над се-
рой далью
нагих полей,
Свое бесстрастье, свое дыханье, свое мол-
чанье в меня
пролей!
1913

Опалила

СУХИЕ ЛИСТЬЯ

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья
Под тусклым ветром кружат, шуршат.
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?
Трепещут сучья под тусклым ветром;
Сухие листья под тусклым ветром
Что говорят нам, нам шепчут что?
Трепещут сучья, под тусклым ветром,
Лепечут листья, под тусклым ветром,
Но слов не понял никто, никто!
Меж черных сучьев синее небо,
Так странно-нежно синее небо,
Так странно-нежно прозрачна даль.
Меж голых сучьев прозрачно небо,

Над черным прахом синеет небо,
Как будто небу земли не жаль.
Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о смерти:
Они блестели, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смерти
Сухие листья, — чтоб после смерти
В цветах весенних опять блеснуть!
Октябрь 1913
Опалиха

КРАСНЫЙ

ПОД УЛЫБКОЙ СОЛНЦА

*И для них весною красной,
Под улыбкой солнца ясной,
Распускались цветы.*

К. Фофанов

В ТОМ ЖЕ ПАРКЕ

И в том же парке, давнем, старом,
Где, отрок, ранний свой восход
Я праздновал, вверяясь чарам
Бестрепетных озерных вод,
Где я слагал впервые песни,
С мечтой неверной о любви,
Где жизнь все слаще, все чудесней
Шептала в ветре мне: «Живи!»
Я прохожу чрез годы, — годы,
Исполненные бурь и смут,
А вокруг — все тот же блеск природы,
Все тот же мерный бег минут!
Как будто не было безумий,
Позорных и блаженных лет:
Я узнаю в июльском шуме

Былой, божественный привет.
И мил мне чей-то взор манящий,
И алость чьих-то близких губ,
И дождь, чуть слышно морозящий,
И зелень острохвойных куп.
Вы живы, царственные ели!
Как вы, жива душа моя!
Напрасно бури тяготели
Годин шумящих бытия!
Я — тот же отрок, дерзко-юный,
Вся жизнь, как прежде, впереди,
И кедра сумрачные струны
Мне под дождем поют: «Иди!»
Иду я, полон прежней веры,
К безвестным далям, к новым снам,
И этот день, туманно-серый,
Векам покорно передам.
Он был, он есть, — без перемены
Он будет жить в стихе моем.
Как имя нежное Елены,
Сплетенное с мелькнувшим днем.

6 — 7 июля 1912

Петровское-Разумовское

СКАЗКА

Я учусь быть добрым, я хочу быть ласковым.

Вы, стихов поющих верные хранители:
Это будет песня, это будет сказка вам!

Нежные признанья выслушать хотите ли?
В тайный бор дороги конному и пешему
Дикими кустами строго загорожены.

Там русалки вторят звонким смехом лешему;

Карликов заморских — норы вдоль изложины;

Там, на курьих ножках, есть изба Ягиная;
Плачет, заблудившись, Гретхен с юным
Гензелем;

В чаще, где не молкнет песня соловьиная,
Там высокий терем, с древнефряжским
вензелем.

В горнице тесовой, у окна открытого,
Ждет меня царевна, Нелли светло-русая.
К ней, от жизни мерной, мира домовитого,
На коне волшебном вдруг переносуся я.
Маленькие руки я ласкаю длительно,
Аленькие губки я целую, радостный;
Смех ее ответный нежит так целительно,
Взор ее мне светит: тихий, милый, благост-

ный.

За окном Жар-Птица пролетит, вся в пламени,

Рюбецаль киркою простучит с участием...

Нам не нужно лучших, непреложных знамений:

В тереме мы дышим волшебством и счастьем!

О чудесном лесе буду песни складывать,
Расскажу про терем сказку — правду мудрую.

Вам, друзья напевов, — слушать и разгадывать:

Где я взял царевну, Нелли светлокудрую!

1912

Москва

В ЛОДКЕ

Завечерело озеро, легла благая тишь.

Закрыла чашу лилия, поник, уснул камыш.

Примолкли утки дикие; над стынущей водой

Лишь чайка, с криком носится, сверкая близной.

И лодка чуть колышется, одна среди тем-

НЫХ ВОД,

И белый столб от месяца по зыби к нам
идет.

Ты замолчала, милая, и я давно молчу:
Мы преданы вечерней мгле и лунному лу-
чу.

Туманней дали берега, туманней дальний
лес;

Под небом, чуть звездащимся, мир отошел,
исчез...

Я знаю, знаю, милая, — в священной тиши-
не

Ты снова, снова думаешь печально — обо
мне!

Я знаю, что за горестной ты предана
мечте...

И чайка, с криком жалобным, пропала в
темноте.

Растет, растет безмолвие, ночь властвует
кругом...

Ты тайно плачешь, милая, клонясь к воде
лицом.

24 июля 1912

Сенежское озеро

ДОЖДЬ И СОЛНЦЕ

Муаровые отблески сверкают под лучом.
Мы вновь на тихом озере, как прежде,
мы вдвоем.

Дождь легкий, дождь ласкающий кропит,
кропит

листву...

Мне кажется, что снова я в далеком сне
живу.

И солнце улыбается, как было год назад,

И пестрые жемчужины отряхивает сад.

Всё то же, что томило нас: и парк, и дождь,
и пруд,

И сосны острохвойные наш отдых стере-
гут!

Любви порыв ликующий, как странно ты
живуч!

Сквозь дождь, сквозь небо серое сверкает
вещий луч!

За сеткой — даль туманная, пузырится во-
да...

О Солнце! победителем останься, как то-
гда!

1913

ПОСЛЕ СКИТАНИЙ

После скитаний,
далеких и трудных,
вдали заблестали,
В нежном тумане,
лугов изумрудных
знакомые дали!
В море шумящем,
под ропоты бури,
манило вернуться —
К зарослям-чащам,
к неяркой лазури,—
над речкой проснуться,
Слыша мычанье
быков и призывы
родимой свирели...
Кончив блужданье,
усталый, счастливый,
вот я — у цели!

1915

В БУЙНОЙ СЛЕПОТЕ

*Как, в буйной слепоте страстей,
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*
Ф. Тютчев

«Итак, это — сон, моя маленькая...»

Итак, это — сон, моя маленькая,
Итак, это — сон, моя милая,
Двоим нам приснившийся сон!
Полоска засветится аленькая,
И греза вспорхнет среброкрылая,
Чтоб кануть в дневной небосклон.
Но сладостны лики ласкательные,
В предутреннем свете дрожащие,
С улыбкой склоненные к нам,
И звезды, колдуньи мечтательные,
В окно потаенно глядящие,
Приветствия шепчут мечтам.
Так где ж твои губы медлительные?
Дай сжать твои плечики детские!
Будь близко, ресницы смежив!
Пусть вспыхнут лучи ослепительные,
Пусть дымно растаю в их блеске я,

Но память о сне сохранив!

1912

Москва

«**Сумрак тихий, сумрак тайный...**»

Сумрак тихий, сумрак тайный,
Друг, давно знакомый мне,
Безначальный и бескрайный,
Призрак, зыблющий туманы,
Вышел в лес и на поляны,
Что-то шепчет тишине.

Не слова ль молитвы старой,
Древней, как сама земля?

И опять, под вечной чарой,
Стали призрачной химерой
Скудный лог, орешник серый,
Зашоссейные поля.

Давний, вечный сон столетий,
В свете звезд, опять возник:

И вся жизнь — лишь ветви эти,

Мир — клочок росистый луга,

Где уста нашли друг друга,

Вечность — этот темный миг!

Июль 1912

Подольск

«**Безумие белого утра смотрело в**

ОКНО...»

Безумие белого утра смотрело в окно,
И было все странно-возможно и все —
все равно.

И было так странно касаться, как к тай-
ным мечтам,

К прозрачному детскому телу счастливым
губам.

Но облачный день засветился над далью
лесной,

Все стало и ясно, и строго в оправе днев-
ной.

Ночные безумные бездны, где все — все
равно,

Сменило ты, солнце, сменило ты, Бороди-
но!

Вот снова стоит император, и грозный при-
зыв

Мне слышен на поле кровавом, меж зрею-
щих нив:

«Что страсти пред гимном победы, пред зо-
вом Судьбы!

Мы все „увлекаемся Роком“, все — Рока ра-
бы!»

Свет солнца, даль нив, тень былого! Как

странно

давно

Безумие белого утра смотрело в окно!

Июль 1912

Бородино

**«Это чувство — странно-
невозможного...»**

Это чувство — странно-невозможного,

Вдруг обретшего и кровь и плоть,

В миг воспоминания тревожного

Я стараюсь тщетно побороть!

Помнятся, и видятся, и движутся

Вымыслы безудержной мечты.

Словно перлы сказочные нижутся

В ожерелье жуткой красоты!

И глазам так больно от слепительной

Вспышки перепутанных огней...

Но — все было в жизни ли действитель-
ной,

Иль в игре сновидящих теней?

Здесь я — тайн достигший иль обманутый

Сладостным предчувствием чудес?

И боюсь, чтоб перлов блеск с протянутой

Нити, лишь проснусь я, не исчез!

Ах, как знак призвания не ложного

С неба кинь мне светлую милоть,
Ты, виденьям странно-невозможного
Даровавшая и кровь и плоть!

<1916>

**«Мне вспомнить страшно, вспомнить
стыдно...»**

Мне вспомнить страшно, вспомнить стыд-
но

Мои безумные слова,—
Когда, качаясь серповидно,
Тень на стене была жива;
Когда клонилось к телу тело,
Уста искали влажных уст,
И грезе не было предела,
А внешний мир был странно-пуст.
Я верил, или я не верил?
Любил вполне, иль не любил?
Но я земное небом мерил
И небо для земли забыл!
Качались тени. Губы млели.
Светилась тела белизна.
И там, вокруг сумрачной постели,
Была блаженная страна,—
Страна, куда должны причалить
Все золотые корабли,

Где змей желаний сладко жалит
И душен аромат земли!
И не было ни стен, ни комнат,—
Хмель солнца, пьяная трава...
О, неужели мысли вспомнят
Мои безумные слова!

1912

«Месяц в дымке отуманенной...»

Месяц в дымке отуманенной
В тусклом небе, словно раненый,
Обессиленный лежит.
Все огни давно погашены;
Издалека голос башенный
Что-то грустное гудит.
Возвращаюсь вновь под утро я.
Вновь Минерва, дева мудрая,
Держит, как маяк, копьё.
Там, где Лар стоит отеческий,
Мне гласит гекзаметр греческий:
«В мире каждому свое!»
Надо улицей пустынною
Проходить мне ночью длинною,
После вздохов роковых,
Чтоб укусы и объятия,
Чтоб восторги и проклятия

Превратить в бессмертный стих.

1913

«Я помню легкие пиластры...»

*Und mein Stamm sind jene Asra,
Welche sterben, wenn sie lieben.
H. Heine[3]*

Я помню легкие пиластры
Закатных облаков в огне,
Когда, со мной целуя астры,
Ты тихо прошептала мне:
«И я, и я — из рода азров!»
Я помню бред безумной ночи,
Бред клятв, и ласк, и слез, и мук,
Когда, вперив в молчанье очи,
Ты повторила, с хрустом рук:
«И я, и я — из рода азров!»
И помню я твой взгляд застывший
.....
И в этот миг, как меч губивший,
Твои слова я вспомнил вновь:
Да, ты была из рода азров!
И никогда к тебе, волнуем
Желаньем, не прильну без слов!
Ты не коснешься поцелуем

Моих седеющих висков!
Да, ты была из рода азров!
И не смотреть нам на пиластры
Вечерних облаков в огне,
И ты, со мной целуя астры,
Не повторишь мне, как во сне;
«И я, и я — из рода азров!»
1913

«Я не был на твоей могиле...»

Я не был на твоей могиле;
Я не принес декабрьских роз
На свежий холм под тканью белой;
Глаза других не осудили
Моих, от них сокрытых, слез.
Ну что же! В неге онемелой,
Еще не призванная вновь,
Моих ночей ты знаешь муки,
Ты знаешь, что храню я целой
Всю нашу светлую любовь!
Что ужас длительной разлуки
Парит бессменно над душой,
Что часто ночью, в мгле холодной,
Безумно простирая руки,
Безумно верю: ты со мной!
Что ж делать? Или жить бесплодно

Здесь, в этом мире, без тебя?
Иль должно жить, как мы любили,
Жить исступленно и свободно,
Стремясь, страдая и любя?
Я не был на твоей могиле.
Не осуждай и не ревнуй!
Мой лучший дар тебе — не розы:
Все, чем мы вместе в жизни жили,
Все, все мои живые грезы,
Все, вновь назначенные, слезы
И каждый новый поцелуй!
8 января 1914

«Это — не надежда и не вера...»

Это — не надежда и не вера,
Не мечтой одетая любовь:
Это — знание, что за жизнью серой,
В жизни новой, встретимся мы вновь.
Нет, не жду я райского селенья,
Вод живых и золотых цветов,
Вечных хоров ангельского пенья
И блаженством зыблемых часов.
Не страшусь и пламенного ада,
С дьяволами в красных колпаках,
Смол огнекипящих и обряда
Страшного суда на облаках.

Знаю: там, за этой жизнью трудной,
Снова жизнь и снова тяжкий труд;
Нас в простор лазурно-изумрудный
Крылья белые не вознесут.

Но и там, под маской сокровенной,
С новым даром измененных чувств,
Нам останется восторг священный
Подвигов, познаний и искусств.

Там, найдя, кого мы потеряли,
Будем мы, без пламени в крови,
Снова жить всей сладостью печали
И, прошедшей через смерть, любви!

1914

ТАМ, У ВХОДА

*И покинем
Там, у входа,
Покрывала ваши мрачные!*
А. Фет

БЕЗВЕСТНАЯ ВЕСТНИЦА

Что это? Пение, славленье
Счастья всем хором земли,
Облачка в небе курчавленье,
Пташек веселье в дали!
Что это? Таянье, мление
Звуков, цветов и лучей!
Вечное право весеннее
Славит журчаньем ручей.
Как же? Не я ли, раздавленный
Глыбой упавшей скалы,
Странник, друзьями оставленный,
Вестника сумрачной мглы
Ждал; но не образ Меркурия
Грозно сошел с высоты:
Вижу в прозревшей лазури я
Милые чьи-то черты.
Кто ты, безвестная вестница

Тайно наставшей весны?
Фея, богиня, кудесница?
Иль только смутные сны
Нежат пред мигом томительным,
Нас подводящим к концу?
Ты, с удивленьем медлительным,
Клонишься тихо к лицу...
Пение, мление, алые
Светы наполнили храм...
Миг! и уста не усталые
Жадно прижал я к устам!
1914

НА САНКАХ

Санки, в радостном разбеге,
Скатились с высоты.
Белая, на белом снеге
Предо мной смеешься ты.
Чуть дрожат, качаясь, сосны,
С моря веет ветерок...
Верю: снова будут весны,
День счастливый недалек.
Нет ни ужаса, ни горя:
Улыбнулся детский лик,
И морозный ветер с моря
В душу ласково проник.

Надо легким быть, как санки,
Надо жить лишь для игры,
И лететь во глубь, к полянке,
Склоном сглаженной горы!
Снова в радостном разбеге
Санки мчатся с высоты,
И, упав, на белом снеге,
Белая, смеешься ты!

11 января 1914

В ЛОДКЕ РЫБАЦКОЙ

В лодке рыбацкой, недвижимой в снегу,
Как хорошо верить в счастье мгнове-
нья!

Волны шумят на морском берегу,
Льдины бросают на снег, как каменья.
Дым расстилает вдали пароход;
Сзади высокие сосны застыли.
Здесь, перед дикой мятежностью вод,
Как не забыть, что мы есть, чем мы были!
Прошлого нет. Это — будущих дней
Волны играют у грани прибрежной...
Милая, верь тайной вере моей:
То, что нам снится, — всегда неизбежно.
В эти мгновенья, — меж льдистых снегов,
В эти мгновенья на отмели белой,

Как не расслышать властительный зон,
Как не понять, что нам море пропело!
В лодке рыбацкой, застывшей в снегу,
Словно на белом, тяжелом причале,
Случай, как вал на морском берегу,
Будто зовет нас в безвестные дали!
15 января 1914

В СТАРИННОЙ РИГЕ

Здесь, в старинной Риге,
В тихий день ненастья,
Кротко я встречаю
Маленькие миги
Маленького счастья.
Дом Черноголовых
Смотрит так любовно,
Словно рад он маю;
Двух, любить готовых,
Ободряет словно.
Под дождем так ярко
Зеленеют липки
Зеленью весенней;
Ах, деревья парка
Нам дарят улыбки!
Ветерка морского
Нежит легкий холод...

Тайно сходят тени...
Иль влюблен я снова?
Иль я снова молод?

1 мая 1914

МГНОВЕНЬЯ МГНОВЕННЕЕ

Мгновенья мгновеннее...
А. Добролюбов

1. УТРОМ

Черный и упрямый локон вьется нежно
близ меня,

Но упорно в рамы окон льется снежный
отблеск дня.

Тайны ночи побледнели, дали грубы, груб
их свет...

Не случайно очи млели! ждали губы губ в
ответ!

Ты невольно грудь склонила... Как тревож-
но дышишь ты!..

О, как больно! Будь, что было! Можно
все, — услышь

мечты!

Внемлешь? нет? Упрямый локон с плеч
скатился,

соскользнул...

Иль ты дремлешь? В рамы окон, словно меч, вонзился гул.

1914

2. НА ЛЫЖАХ

Опьяняет смелый бег.

Овевает белый снег.

Режут шумы тишину.

Нежат думы про весну.

Взглядом, взглядом облелей!

Рядом, рядом — и скорей!

Твой ли стан склонен ко мне?

Все ль обман и сон во сне?

Мир во власти зимних нег,

Миги застит дымный снег.

1914

3. КАК НЕЯРКИЕ БУТОНЫ

Как неяркие бутоны превращают лепестки
В ярко-радостные розы, ало-красные
цветы, —

Так твой ропот затаенный, стоны девичей
тоски,

Стали — сладостные грезы, жадно-страст-
ные мечты!

И, как белая лилея, над прозрачностью
пруда,

Закрывает в лунном свете свой убор, дыша
чуть-чуть, —

Так, несмелая, пьянея, в дрожи брачного
стыда,

Опускаешь взор, как дети, ты, — спеша ко
мне на грудь!

Но, во мгле наставшей ночи, сны Красави-
цы Ночной

Дышат томно, дышат страстно, в летней,
душной тишине,—

Так, опять поднявши очи, чуть лукавя с
темнотою,

Ты нескромно, ты безгласно — ждешь, по-
слушна, как

во сне!

16 ноября 1914

СИРЕНОЧКА

В лесу пропела пеночка

И дятел простучал.

Приди ко мне, сиреночка:

Час призраков настал.

Росой чуть-чуть увлажнены,

И мхи послушно спят,

А с неба, словно в скважины,

К вам звездочки глядят.

Простерли сосны темные
Над ложем бахрому;
Здесь канут все нескромные
Слова — в глухую тьму.
Приди! Никем не слышимы,
В тиши зашепчем вновь,
Все вкрадчивей, все тише мы
Про счастье, про любовь.
Вновь склонит, с неизбежностью,
Мечта — к устам уста,
И круг замкнет над нежностью,
До утра, темнота.
А утром крикнет пеночка,
Встревожит дятел тишь,
И ты, моя сиреночка,
Скользнешь в речной камыш.

1914

УМЕРШИМ МИР!

Умершим мир! Пусть спят в покое
В немой и черной тишине.
Над нами солнце золотое,
Пред нами волны — все в огне.
Умершим мир! Их память свято
В глубинах сердца сохраним.
Но дали манят, как когда-то,

В свой лиловато-нежный дым,
Умершим мир! Они сгорели,
Им поцелуй спалил уста.
Так пусть и нас к такой же цели
Ведет безумная мечта!
Умершим мир! Но да не встанет
Пред нами горестная тень!
Что было, да не отуманит
Теперь воспламененный день!
Умершим мир! Но мы, мы дышим.
Пока по жилам бьется кровь,
Мы все призывы жизни слышим
И твой священный зов, Любовь!
Умершим мир! И нас не минет
Последний, беспощадный час,
Но здесь, пока наш взгляд не стынет,
Глаза пусть ищут милых глаз!

1914

ЖЕЛТЫЙ

СТОИМ, МЫ СЛЕПЫ...

Стоим, мы слепы, пред судьбою...
Ф. Тютчев

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.
Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.
И всё, о чем с бесплодным жаром
Пугливо спорили века.
Готова разрешить ударом
Ее железная рука.
Но вслушайтесь! В сердцах стесненных
Не голос ли надежд возник?
Призыв племен поработченных
Врывается в военный крик.
Под топот армий, гром орудий,

Под ньюпоров гудящий лет,
Всё то, о чем мы, как о чуде,
Мечтали, может быть, встает.
Так! слишком долго мы коснели
И длили валтасаров пир!
Пусть, пусть из огненной купели
Преображенным выйдет мир!
Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!
Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы,—
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!

20 июля 1914

СТАРЫЙ ВОПРОС

Не надо заносчивых слов,
Не надо хвальбы неуместной.
Пред строем опасных врагов
Сомкнемся спокойно и тесно.
Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок подымает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?

Случайные гости? орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?
Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?
Иль мы — тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?
Иль мы — тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской.
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?
Да, так, мы — славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?
И что же! священный союз
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз,
Не с нами ль свободный британец?
Не надо заносчивых слов,

Не надо хвальбы величавой,
Мы явим пред ликом веков,
В чем наше народное право.
Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?
30 июля 1914

НАШИ ДНИ

Не вброшены ль в былое все мы,
Иль в твой волшебный мир, Уэллс?
Не блещут ли мечи и шлемы
Над стрелами звенящих рельс?
Как будто рыцарские тени,
В лучах прожекторов, опять
Летят на буйный пир сражений
Торжествовать и умирать!
Смотря в загадочные дали,
Мы смело ждем безмерных дел,
Вновь подвигов при Ронсевале,
Твоих ударов, Карл Мартелл!
А мерно с Эйфелевой башни
Летит неслышимая речь,
Чтоб всё, что ведал день вчерашний,
Для будущих времен сберечь.

Ротационные машины
Стучат как ночью, так и днем,
Чтоб миг не минул ни единый,
Газетным позабыт столбцом.
И сквозь налет ночных туманов,
Как призраки иных веков,
Горят глаза аэропланов
Над светом вражеских костров.
8 августа 1914

КРУГИ НА ВОДЕ

От камня, брошенного в воду,
Далеко ширятся круги.
Народ передает народу
Проклятый лозунг: «мы — враги!»
Племен враждующих не числи;
Круги бегут, им нет числа;
В лазурной Марне, в желтой Висле
Влачатся чуждые тела;
В святых просторах Палестины
Уже звучат шаги войны;
В Анголе девственной — долины
Ее стопой потрясены;
Безлюдные утесы Чили
Оглашены глухой пальбой,
И воды Пе-че-ли покрыли

Флот, не отважившийся в бой.
Везде — вражда! где райской птицы
Воздушный зыблется полет,
Где в джунглях страшен стон тигрицы,
Где землю давит бегемот!
В чудесных, баснословных странах
Визг пуль и пушек ровный рев,
Повязки белые на ранах
И пятна красные крестов!
Внимая дальнему удару,
Встают народы, как враги,
И по всему земному шару,
Бегут и ширятся круги.
2 декабря 1914
Варшава

ПОРА!

Была пора ударить буре,
Расчистить хмурый небосвод.
И вот — нет проблесков лазури,
Гроза гремит, гроза растет.
То не камыш под ветром гнется,—
Твердыни крепостей дрожат;
Не дождь на травы пастбищ льется,—
Стальной стучит по грудям град;
То не деревья, в вихре яром,

На берег рухнули пруда,—
Кругом, обгрызены пожаром,
Лежат в руинах города.
С Атлантики вплоть до Урала
Самумом движутся полки;
Кровь — снег и травы запятнала,
Кровь — замутила ток реки.
На вольных, вечных океанах,
У стен пяти материков,
Мелькают без огня в туманах
Громады боевых судов.
Темны мечты, виденья дики,
Водоворотом схвачен мир.
Везде штыки, винтовки, пики,
Угрозы пушек и мортир.;
Гроза «военной непогоды»
Шумит по градам и полям,
Да выйдут древние народы
Из бури к просветленным дням!
Пусть громы пробушуют в небе,
Огонь молний пусть прожжет сердца,—
И пусть узнают все свой жребий,
Свою судьбину — до конца!
Октябрь — декабрь 1914
Белосток. Варшава

НА КАРПАТАХ

Уступами всходят Карпаты,
Под ногами тает туман,
Внизу различают солдаты
Древний край — колыбель славян.
Весенним приветом согрета,
Так же тихо дремала страна...
На четыре стороны света
Отсюда шли племена.
Шли сербы, чехи, поляки,
Полабы и разная русь.
Скрывалась отчизна во мраке,
Но каждый шептал: «Я вернусь!»
Проносились века и беды,
Не встречался с братьями брат,
И вот, под грохот победы,
Мы снова на склонах Карпат.
Вздыхни же ожидаемым мигом,
Друзей возвращенных встречай,
Так долго под вражеским игом,
Словно раб, томившийся край.
Засветился день возвращенья,
Под ногами тает туман...
Здесь поставьте стяг единенья
Нашедших друг друга славян!

15 октября 1914

Варшава

ЧАША ИСПЫТАНИЙ

Будь меж святынь в веках помянута
Ты, ныне льющая кровь!

Рукой властительной протянута

Нам чаша испытаний вновь.

Она не скоро опорожнится,

Струясь потоком с высоты...

И вот — в руках врагов заложница,

Сирена польская, и ты!

Так что ж! с лицом первосвященников

Спокойно жертву принесем!

Оплакивать не время пленников,

Ряды оставшихся сомкнем.

Одно: идти должны до края мы,

Все претерпев, не ослабеть.

День торжества, день, нами чаемый,

Когда-то должен заблестеть.

И пусть над Бугом — каски прусские;

Он от того чужим не стал;

И будем мы всё те же русские,

Уйдя за Волгу, за Урал.

Под Нарвами, под Аустерлицами

Учились мы Бородину.

Нет, мало овладеть столицами,
Чтоб кончить Русскую войну!
Июль 1915

ВЫСОКИХ ЗРЕЛИЩ ЗРИТЕЛЬ...

*Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он — их высоких зрелищ зритель...
Ф. Тютчев*

ПОЛЬШЕ

*Орел одноплеменный!
...Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И вата общая свобода,
Как феникс, возродится в нем.
Ф. Тютчев*

Провидец! Стих твой осужденный
Не наше ль время прозревал,
Когда «орел одноплеменный»
Напрасно крылья расширял!
Сны, что тебе туманно снились,
Предстали нам, воплощены,

И вещим светом озарились
В багровом зареве войны.
Опять родного нам народа
Мы стали братьями, — и вот
Та «наша общая свобода,
Как феникс», правит свой полет.
А ты, народ скорбей и веры,
Подъявший вместе с нами брань,
Услышь у гробовой пещеры
Священный возглас; «Лазарь, встань!»
Ты, бывший мертвым в этом мире,
Но тайно памятный Судьбе,
Ты — званный гость на нашем пире,
И первый наш привет — тебе!
Простор родимого предела
Единым взором облелей,
И крики «Польша не сгинела!»
По-братски, с русским гимном слей!
1 августа 1914 г.

В ВИЛЬНО

Опять я — бродяга бездомный,
И груди так вольно дышать.
Куда ты, мой дух неуемный,
К каким изумленьям опять?
Но он, — он лишь хочет стремиться

Вперед, до последней поры;
И сердцу так сладостно биться
При виде с Запковой Горы.
У ног «стародавняя Вильна»,—
Сеть улиц, строений и крыш,
И Вилия ропщет бессильно,
Смущая спокойную тишь.
Но дальше, за кругом холмистым,—
Там буйствует шумно война,
И, кажется, в воздухе чистом
Победная песня слышна.
Внизу же, где липки так зыбко
Дрожат под наитием дня,
Лик Пушкина, с мудрой улыбкой,
Опять поглядит на меня.

15 августа 1914

Вильно

ВСЕ ЧАЩЕ

Все чаще по улицам Вильно
Мелькает траурный креп.
Жатва войны обильна,
Широк разверзнутый склеп.
Всё чаще в темных костелах,
В углу, без сил склонена,
Сидит, в мечтах невеселых,

Мать, сестра иль жена.
Война, словно гром небесный,
Потрясает испуганный мир...
Но все дремлет ребенок чудесный,
Вильно патрон — Казимир.
Все тот же, как сон несказанный,
Как сон далеких веков,
Подымет собор святой Анны
Красоту точеных венцов.
И море всё той же печали,
Всё тех же маленьких бед,
Шумит в еврейском квартале
Под гулы русских побед.
17 августа 1914
Вильно

В ВАРШАВЕ

А. Р. Ледницкому

В первый раз по улицам Варшавы
С легким сердцем прохожу один.
Не гнетет меня кошмар кровавый
Темной славы роковых годин.
Всё, что было, — нет, не миновало,
И веков мгновенью не сломать;
Но, быть может, нынче день начала,

Нынче солнце в небе — как печать.
Пусть оно наш день запечатлеет,
День, когда, как братья, мы могли
Всё сказать, о чем язык немеет,
Что мы долго в душах берегли.
Мы сошлись не по тропинке узкой,
Как к поэту близится поэт;
Я пришел путем большим, как русский,
И, как русский, слышал я привет.
А на улице, как стих поэмы,
Клики вокруг меня сливались в лад:
Польки раздавали хризантемы
Взводам русских радостных солдат.

24 августа 1914

Варшава

АЭРОПЛАНЫ НАД ВАРШАВОЙ

Как пред грозой касатки низко
Скользят над ровностью поляны,—
Так в знак, что грозы боя близки,
— Взгляни, — парят аэропланы.
Миг, — и продольный, долгий трепет
Пройдет по улице; метнется
Толпа, и тротуар облепит,
И взор за взором в высь вопьется.
Мотки белеющей кудели

Взлетят и таять будут в сини,
И, под пальбу, дымки шрапнелей
Распутаются в сети линий.
А там, воздушные пираты,
Спокойно правя лет машины,
Вонзят сквозь пар голубоватый
Свой взор, как мы, на дно равнины.
Увидят, как темнеют зыбко
Квадраты крыш и зданий ромбы...
С какой змеящейся улыбкой
Качнут два немца в небе бомбы!
24 декабря 1914
Варшава

ПОЛЕ БИТВЫ

Залито поле, как золотом,
Щедрым посевом патронов.
Вдалеке, как гигантским молотом,
Расколоты гребни склонов.
На холмике ждет погребения,
Ниц повергнуто, тело солдата.
Слабый запах тления,
А в руке письмо зажато.
Рядом тела лошадиные:
Оскалены зубы, изогнуты шеи...
Ах, не труды ль муравьиные

Эти валы, окопы, траншеи?
Видел я: меж винтовок раздробленных
Лежит с дневником тетрадка;
Сколько тайных надежд, обособленные,
В нее вписывал кто-то украдкой!
Манерки, ранцы, зарядные
Ящички, крышки шрапнелей,
И повсюду воронки громадные
От снарядов, не достигших цели.
Брожу меж обломков, гадательно
Переживая былые моменты.
А вдали, взвод солдат, старательно,
Убирает пулеметные ленты.
Октябрь 1914
Прушков

ПИРШЕСТВО ВОИНЫ

Война здесь прошла, прокричала
Стальными глотками пушек,
В руке дома изломала,
Как вязку хрустнувших сушек.
Вот там, за сырым перелеском,
Гости Войны сидели,
Она забавляла их блеском
Пускаемых к небу шрапнелей.
Смерть-сестру пригласила; «Участвуй,—

Ей сказала, — как старшая, в пире!»
Подавались роскошные яства,
Каких и не видели в мире.
Были вина и хмельны и сладки,
Их похваливал Бой-собутыльник.
Обильные пира остатки
Скрывает теперь чернобыльник.
День и ночь продолжался праздник,
Вкруг, от браги багряной, всё смокло...
Только кто я; из гостей, безобразник,
Перебил в дальних окнах стекла?
Кто, шутник неуместно грубый,
Подпалил под конец чертоги?
И теперь торчат только трубы
Обгорелые, — вдоль дороги.

4 декабря 1914 Ноябрь 1914

Брезины-Варшава-Лович

НА ПАМЯТЬ ОБ ОДНОМ ЗАКАТЕ

А. М. Федорову

Был день войны, но час предсмертный дня.
Ноябрьский воздух нежил, как в апреле.
Вкруг озими прозрачно зеленели,
Пылало солнце, небосклон пьяня.
Нас мотор мчал — куда-то иль без цели...

Бесцельность тайно нежила меня.
И ты, как я, заморожен был. Пели
Нам голоса закатного огня.
Забылось все: шум битв и вопль страда-
ний...

Вдвоем, во храме мировых пыланий,
Слагали мы гимн красоте земной...
Нас мотор мчал — без цели иль куда-то...
О, помню, помню — дивный сон заката
Под грохот пушек, ровный и глухой.
13 декабря 1914

В ОКОПЕ

В семье суровых ветеранов
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали — под снегом спит Цеханов,
И даль в снегу погребена.
Сквозь серые туманы солнце
Неярко светит без лучей.
Тиха беседа о японце,
И равномерен звук речей.
Незримо судьбы всей Европы
С судьбой уральцев сплетены, —
Но нынче в снежные окопы
Доходит смутно гул войны.
Мир крикнул этим бородатым

Сибирякам: «Брат, выручай!»
И странно с сумрачным солдатом
Пить на досуге мутный чай.
Неизмеримым бредят грезы,
Крушеньем царств и благом всех...
А здесь — рассказы про шимозы
Сменяет беззаботный смех.
24 декабря 1914
Цеханов

КАЗАЧЬЕ СТАНОВЬЕ

Отбрасывая версты, стучит автомобиль,
Крутится даль за далью и сзади вьется
пыль.

Селенье, нивы, поле, костел, окоп, река...

Казачье становье на склоне у леска.

Табун свободных коней, походных кухонь
дым;

Заполнен луг движеньем запутанно-цвет-
ным;

Толпа котлы обстала; смех, говор, песня,
крик...

Как просверкали ярко верхи железных
пик!

Еще в глазах — мундиры и шапки набе-
крень,

А падает сурово от строгих сосен тень.
Лесной дорогой мотор, стуча, летит впе-
ред...

Чу! слышен с поворота трещащий пуле-
мет!

9 июля 1915

ДЕРЕВЕНСКИЕ РИФМЫ

О пять—развесистые липы
И склады бревен за избой;
Телеги, вдоль дороги, скрипы,
Окно с затейливой резьбой;
Вдали — излучки малой речки,
И главы дальнего села;
А близко — девка на крылечке
Статна, румяна, весела.
Нырнул, поднявши хвост, утенок,
А утка с важностью плывет.
Как изумителен, как тонок
Прозрачных тучек хоровод!
Здесь мир и век забыть возможно...
Но чу! порой сквозь шум лесов
Со станции гудит тревожно
Гул санитарных поездов.

10 июня 1915

Бурково

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Каждый день поминайте молитвой умиль-
ной

Тех, кто молится нынче на ратных полях,
Там, где Смерть веселится поживой обиль-
ной,

Блуждая с косою в руках;
Где рассвет, проступая, скользит меж раз-
валин,

Эхо вторит раскатам мортир без числа;
Где блуждающий ветер, угрюм и печален,
Ласкает в траве тела;

Где валы, баррикады, окопы, редуты
Перерезали ниву, прорезали лес;
Где германский пропеллер считает мину-
ты,

Грозя с голубых небес;
И где фейерверк ночью, безмерен, невидан,
дан,

Одевает просторы в стоцветный наряд,—
На полях, где лежит, беспощадно раски-
дан,

Стальной и свинцовый град!
Долю ратников вашим уютом измерьте,
Вашей негой домашней, при свете, в теп-

ле...

Поминайте в салонах, в театре, в концерте,—

Кто ныне в снегах и мгле!

Поминайте ушедших молитвой умильной,

Всех, кто должен молиться на ратных полях,

Там, где Смерть веселится поживой обильной,

С тяжелой косою в руках!

Август 1915

Москва

ТАМ, НА ЗАПАДЕ

Там, на Западе, брезжит мерцание...
Ф. Тютчев

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Протянута лентой бесцветной и плоской,
Прорезала Францию узкой полоской.
Все мертво на ней: ни двора, ни куста;
Местами — два-три деревянных креста,
Местами — развалины прежних строений,

Да трупы, да трупы, — тела без движений!
От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
И справа и слева, — на мили, на мили, —
Валы и окопы ее обтеснили.

С них рушатся гулко, и ночью и днем,
Удары орудий, как сумрачный гром,
И мерно сверкают под эти раскаты
То белые вспышки, то свет розоватый.
От Альп неподвижных до Па-де-Кале
Как будто дорога бежит по земле;
Прошла, разделила две вражеских рати
И стала дорогой вражды и проклятий.
Сменяются дни; но, настойчиво, вновь
Здесь блещут штыки, разливается кровь,
И слушают люди, сгрудясь в миллионы,
Лязг сабель, свист пуль и предсмертные
стоны.

30 ноября 1914

Варшава

ФЛАМАНДЦАМ

Народ Верхарна! не напрасно вещей
Тебя прославил: жив твой мощный
дух!

Он молнией в дыму сражений блещет,

Он в громе пушек нам вещает вслух!
И, кажется, опять восстал Карл Смелый
Иль Бодуэн Железная Рука.
Бой храбрецов с врагом остервенелым
Следят, дивясь величию, века.
Нам не забыть, как ты в любимом Льеже
Свою свободу гордо ограждал.
Твои сыны, как в славном прошлом, — те же:

Поэт дал клятвы, ты их оправдал.
Не пушки, не оружие стальное
Нас делают отважней и сильней:
Любовь к отчизне создает героев
С дней Марафона вплоть до наших дней.
7 августа 1914

ТЕВТОНУ

Ты переполнил чашу меры,
Тевтон, — иль как назвать тебя!
Соборов древние химеры
Отметят, губителя губя.
Подъявший длань на храмы-чудо,
Громивший с неба Notre-Dame,
Знай: в Реймсе каменная груда
Безмолвно вопиет к векам!
И этот вопль призывный слышат

Те чудища, что ряд веков,
Над Сеной уместившись, дышат
Мечтой своих святых творцов.
Недаром зодчий богомольный
На высоту собора взнес,
Как крик над суетой юдольной,
Толпу своих кошмарных грез.
Они — защитницы святыни,
Они — отмстительницы зла,
И гневу их тебя отныне
Твоя гордыня обрекла.
Их лик тебе в дыму предстанет,
Их коготь грудь твою пробьет,
Тебя смутит и отуманит
Их крыльев демонский разлет;
И суд, что не исполнят люди,
Докончат сонмы скрытых сил
Над тем, кто жерлами орудий
Святыне творчества грозил.

Сентябрь 1914

Варшава

СИНИЙ

В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

*В жизни человеческой, в важные мгновенья,
Облики незримые вдруг обозначаются,
В обаяньи подвига, в злобе преступления...*

К. Случевский

СИНЕМА МОЕГО ОКНА

Мир шумящий, как далек он,
Как мне чужд он! но сама
Жизнь проводит мимо окон,
Словно фильмы синема.
Проплывут, звеня, трамваи,
Прошумит, пыля, авто;
Люди, люди, словно стаи
Птиц, где каждая — никто!
Франт манерный за поддевкой,
То картуз, то котелок,
И пред девичьей головкой
Стал замедленный полок.
Плечи, шляпки, взгляды, груди,

За стеклом немая речь...
Птичья стая, — люди, люди!—
Как мне сердце уберечь?
Я укрываюсь в одиночество,
Я ухожу в пределы книг,
Чтоб безысходные пророчества
Затмили проходящий миг.
Но — горе! — шумы современности
Врываются в святую тьму!
И нет тюрьмы — моей надменности,
Нет кельи — моему уму!
Сегодня, визитер непрошенный,
Ломает запертую дверь...
Ах, убежать на луг некошенный
Дремать в норе, как дремлет зверь!
Напрасно! жизнь влачит последовательно,
Как змей, извилистые кольца,
И смотрят на меня выведывательно
Виденья дня, как богомольцы.
1914

ПОРТРЕТ

Привык он рано презирать святыни
И вдаль упрямо шел путем своим.
В вине, и в буйной страсти, и в морфине
Искал усад, и вышел невредим.

Знал преклоненья; женщины в восторге
Склонялись целовать его стопы.
Как змеерушащий святой Георгий,
Он слышал яростный привет толпы.
И, проходя, как некий странник в мире,
Доволен блеском дня и тишью тьмы,
Не для других слагал он на псалтири,
Как царь Давид, певучие псалмы.
Он был везде: в концерте, и в театре,
И в синема, где заблестел экран;
Он жизнь бросал лукавой Клеопатре,
Но не сломил его Октавиан.
Вы пировали с ним, как друг, быть может?
С ним, как любовница, делили дрожь?
Нет, одиноко был им искус прожит,
Его признанья, — кроме песен, — ложь.
С недоуменьем, детским и счастливым,
С лукавством старческим — он пред собой
Глядит вперед. Простым и прихотливым
Он может быть, но должен быть — собой!

1912

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Что я могу припомнить? Ясность глаз
И детский облик, ласково-понурый,
Когда сидит она, в вечерний час,

За ворохом шуршащей корректуры.
Есть что-то строгое в ее глазах,
Что никогда расспросов не позволит.
Но, может быть, суровость эта — страх,
Что кто-нибудь к признаньям приневолит.
Она смеяться может, как дитя,
Но тотчас поглядит лицом беглянки,
Застигнутой погоней; миг спустя
Она опять бесстрастно правит гранки.
И, что-то важное, святое скрыв
На самом дне души, как некий идол,
Она — как лань пуглива, чтоб порыв
Случайный — тайны дорогой не выдал.
И вот сегодня — ясность этих глаз
Мне помнится; да маленькой фигуры
Мне виден образ; да, в вечерний час,
Мне слышен ровный шелест корректуры...
1913

ЗАВЕЩАНИЕ

Я жизнь прожила безотрадно, бесцельно,
И вот, как похмелье от буйного пира,
Осталась мне горечь тоски беспредельной
И смутная ненависть к радостям мира.
Как всем, мне весна, в ликовании ярком,
Лучами сверкала, дышала сиренью,

И жизнь мне казалась приветливым парком,

Где тайно беседки зовут к наслажденью.
Но ранняя буря промчалась над садом,
Сломала сирени и завязи яблонь,
Наплакалась ливнем, натешилась градом,
Цветник мой был смыт, и был сад мой разграблен.

И после настало желанное лето,
И хмурая осень, и холод под снегом...
И не было в сердце на зовы ответа,
И не было силы довериться негам.
Другим расцветут, с новым маем, фиалки,
Другие поплачут у выжженной нивы...
Мы — нищи, мы — робки, мы — стары,
мы — жалки.

Кто мертвый, будь мертвым! живите, кто живы!

1913

НА ЦЕРКОВНОЙ КРЫШЕ

На церковной крыше,
У самого золотого креста
(Уже восхода полосы наметились),
Как две летучих мыши,
Две ведьмы встретились:

Одна — старая и толстая,
Другая — худая и моложе
(Лицо с кошачьей мордочкой схоже),
И шептались, ветра весеннего тише.
— Сестра, где была? —
Старуха захохотала.
— Тра-ла-ла!
Всю ночь наблюдала:
Юноша собирался повеситься!
Все шагал, писал и смотрел
На серп полумесяца,
Лицом — как мел.
Любовь, как видно, замучила.
Ждать мне наскучило,
И я, против правил,
Подказала ему: «удавись!»
Он в петлю голову вставил
И повис.
Худая в ответ улыбнулась.
— И мне досталось!
В грязных номерах натолкнулась,
Как девушка старику продавалась.
Старичонка — дряхлый и гадкий,
Горб, как у верблюда,
А у нее глаза — как загадки,

И плечи — как чудо.
Как был он противен, сестра,
А она молчала!
Я до утра,
Сидя в углу, наблюдала.
Так, у золотого креста,
На церковной крыше,
Как две летучих мыши,
Шептались две ведьмы.
И та, что была и стара и толста,
Прибавила:
— Хоть это и против правила,
Но будем по утрам встречаться и впредь
мы!

1914

ПРОСТЕНЬКАЯ ПЕСНЯ

Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Девочкой играла
Утром рано-рано.
Дед твердил с улыбкой,
Ласков, сед и важен,
Что далеким предком
Был платан посажен.
Ты, в тени прозрачной

Светлого платана,
Девушкой скрывалась
В первый час тумана.
Целовалась сладко
В тихом лунном свете,
Так, как целовались
Люди ряд столетий.
Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
Женщиной рыдала
Под напев фонтана.
Горестно рыдала
О минутной сказке
Опалившей страсти,
Обманувшей ласки.
Ты, в тени прозрачной
Светлого платана,
В старость вспоминала
Жизнь, как мир обмана,
Вспоминала, с грустной
Тишиной во взоре,
Призрачное счастье,
Медленное горе.
И, в тени прозрачной
Светлого платана,

Так же сладко дремлет
Прежняя поляна.
Ты же на кладбище,
Под плакучей ивой,
Спишь, предавшись грезе,
Может быть, счастливой.
1913

ОНА

Она любила строй беспечный
Мечтаний, уводящих вдаль,
Цветы, снежинки, пояс млечный
И беспричинную печаль.
Она любила, ночью зимней,
Невестой медлить у окна,
В своих стихах, как в тихом гимне,
Твердя безвольно: я — одна!
Она ждала, ждала кого-то,
Кто, смел, безумен и красив,
Всю жизнь отдаст ей без отчета,
Всю жизнь сольет в один порыв.
Но Рок был странно беспощаден,
Не обманул и не свершил.
Тот не был жарок, не был хладен,
Он и любил и не любил.
Его не-пламенные ласки,

Его обдуманная речь,
Его лицо — как образ маски —
Могли овеять, но не сжечь.
Стремясь в мятежную безбрежность
Она искала крыльев, но
Он приносил ей только нежность...
И было все предрешено!

.....
.....
.....
.....

1913

НА ШУМНЫХ УЛИЦАХ

*О, эти встречи мимолетные
На шумных улицах столиц...
«Венок»*

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СВЕТЫ

Мы — электрические светы
Над шумной уличной толпой;
Ей — наши рдяные приветы
И ей — наш ответ голубой!
Качаясь на стеблях высоких,
Горя в преддверьях синема,

И искрясь из витрин глубоких,
Мы — дрожь, мы — блеск, мы — жизнь
сама!

Что было красочным и пестрым,
Меняя властным волшебством,
Мы делаем бесцветно-острым,
Живей и призрачней, чем днем.
И женщин, с ртом, как рана, алым,
И юношей, с тоской в зрачках,
Мы озаряем небывалым
Венцом, что обольщает в снах.
Даем соблазн любви продажной,
Случайным встречам — тайный смысл;
Угрюмый дом многоэтажный
Мы превращаем в символ числ.
Из быстрых уличных мельканий
Лишь мы поэзию творим,
И с нами — каждый на экране,
И, на экране кто, — мы с ним!
Залив сияньем современность,
Ее впитали мы в себя,
Всю ложь, всю мишуру, всю брэнность
Преобразили мы, любя,—
Мы — электрические светы
Над шумной уличной толпой,

Мы — современные поэты,
Векам зажженные Судьбой!
1913

ВЕЧЕРОМ

Дрожащей проволоки альт
Звенит так нежно;
Заполнен сумрачный асфальт
Толпой мятежной.
Свистки авто и трамов звон
Поют так нежно;
Вечерний город полонен
Толпой мятежной.
Свет электрических шаров
Дрожит так нежно;
Ты слышишь ли немолчный зов
Толпы мятежной?
Вот девушки случайный взор
Блеснул так нежно;
О, кто его так быстро стер
Толпой мятежной?
Тень синеватая легла
Вокруг так нежно,
И проститутки без числа
В толпе мятежной.
25 мая 1914

НА ПОЛЕТАХ

Пропеллеры, треща, стрекочут:
То клетоты бензинных птиц
О будущем земли пророчат.
Но сколько нежных женских лиц!
Иглой заостренные шляпы,
Зелено-белые манто,—
И как-то милы даже всхрапы
На круг въезжающих авто.
В живой толпе кафешантанной
Я уловил случайно вновь
Давно знакомый взгляд... Как странно!
Твой взгляд, бессмертная любовь!
И, пестрой суеты свидетель,
Я веру в тайну берегу,
Не видя в сини «мертвых петель»,—
Воздушных вымыслов Пегу.
Май 1914
Москва

У КАНАЛА

В утрюмом сумраке ночей безлунных
Люблю я зыбкость полусонных вод.
Приникнув к жесткости оград чугунных,
Люблю следить волны унылый ход.
Свет фонарей, раздробленный движеньем,

Дрожит в воде семьей недлинных змей,
А баржи спят над зыбким отраженьем
Глубоким сном измученных зверей.
Так близко Невский, — возгласы трамваев,
Гудки авто, гул тысяч голосов...
А серый снег, за теплый день растаяв,
Плывет, крутясь, вдоль темных берегов.
Так странно: там — кафе, улыбки, лица...
Здесь — тишь, вода и отраженный свет.
Все вобрала в водоворот столица,
На все вопросы принесла ответ.
И если жизнью, слишком многострунной,
Измучен ты, — приди ко мне, сюда,
Перешагни чрез парапет чугунный,
И даст тебе забвение вода.
1 ноября 1912
Петербург

ПАНИХИДА

Тоненькие свечечки,
Робкие, мерцают.
Голосочки детские
Басу отвечают.
Слышно над склоненною толпой:
«Со святыми упокой».
Хорошо под лентами,

Мирно под цветами!
Песни умиленные
Сложены не нами.
Обещает мир напев святой:
«Со святыми упокой».
Выйдешь в ночь холодную:
Светы и трамваи...
Сладостно задуматься
О блаженном рае.
Боже! — утомленных суетой
Со святыми упокой!
3 ноября 1912
Петербург

ДЕТСКИЙ БЛЕСК ОЧЕЙ

Я вижу детский блеск очей.

А. Фет

ДЕВОЧКА С КУКЛОЙ

— **Ч**то же ты сделала, девочка милая,
С фарфоровой куклой своей?

— Когда было скучно, ее колотила я,

И вот — теперь трещина в ней.

— Глаза открывала и закрывала она,

Папа-мама могла говорить.

— А теперь совсем безмолвною стала она,

Не знаю, как с ней мне и быть.

— Чего же ты хочешь, девочка нежная?

Куклу целуешь зачем?

— Хочу, чтоб была она снова, как прежняя,

Такой, как прежде, совсем.

— Девочка милая, сама ты разбила ее.

Теперь куклы прежней — нет...

— Боже мой! Боже мой! так я любила ее!

Без нее не мил мне весь свет!

1912

ДЕВОЧКА И АНГЕЛ

Маленькая девочка плакала вчера:
«Почему туманами полны вечера?
Почему не каждый день солнце — как ал-
маз?

Почему не ангелы утешают нас?»

Маленькая девочка вечером, в тени,
Плакала, и ангел ей прошептал: «Усни!
Как алмаз, засветится солнце поутру,
И с тобой затею я под вечер игру!»

Маленькая девочка улеглась в постель...

За окном шептала ей сумрачная ель:

«Нет, не верь ты ангелу! Он тебе солгал:

Поутру луч солнечный будет — как кин-
жал!»

4 мая 1912

ДЕВОЧКА С ЦВЕТАМИ

Собирай свои цветочки,
Заплетай свои веночки,
Развлекайся как-нибудь,
По лугу беспечно бегай!
Ах, пока весенней негой
Не томилась тайно грудь!
У тебя, как вишня, глазки,
Косы русые — как в сказке;
Из-под кружев панталон

Выступают ножки стройно...
Ах! пока их беспокойно
Не томил недетский сон!
Увидав пятно на юбке,
Ты надула мило губки,
Снова мило их надуй!
Эти губки слишком красны:
Ах! пока угрюмо-страстный
Не сжимал их поцелуй!

1913

ВЕРБНАЯ СУББОТА

С вербочками девочки,
Девочки со свечечками,
Вышедши из церковки,
Кроют куцавеечками
(Ветер, ты не тронь!)
Слабенький огонь.
Улица оснежена,
Спит высь затуманенная...
Чу! толпа мятежная
Воет, словно раненая,
Там, где осиян
Светом ресторан.
И бредут под блеснами
Злыми, электрическими,

С свечками и ветками
Тени идиллические.
Трепетен и тих
Свет на лицах их.
17 марта 1912

КВАРТЕТ

Четыре девочки по четырнадцать лет
На песчаной площадке играют в крокет.

Молоточек поставят между ног, и — стук!
Шар чужой далеко отлетает вдруг.
А солнце, лучи посылая вкось,
Белые платица пронзает насквозь,
Чтобы каждый мечтатель видеть мог
Детские формы худощавых ног.
Девочки смеются, — что щебет птиц! —
И черны узоры длинных ресниц,
Но пятна волос еще черней
В слепительном блеске закатных огней.
16 июня 1915

ДВЕ ГОЛОВКИ

Красная и синяя —
Девочки в траве,
Кустики полыни
Им по голове.

Рвут цветочки разные,
Бабочек следят...
Как букашки — праздны,
Как цветки на взгляд.
Эта — лёнокудрая,
С темной скобкой — та...
Вкруг природы мудрой
Радость разлита.
Вот, нарвав букетики,
Спорят: «Я да ты...»
Цветики — как дети,
Дети — как цветы.
Нет нигде уныния,
Луг мечтает вслух...
Красный блик, блик синий,—
Шелк головок двух!
15 июля 1915
Буркова

ГОЛУБОЙ

В СТАРИННОМ ЗАМКЕ

*В старинном замке Джен Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.
К, Бальмонт*

БАЛЛАДА НОЧИ

Ах, где-то лотос нежно спит,
Ах, где-то с небом слиты горы.
И ярко небосвод горит,—
Предвечной мудрости узоры!
Там негой объяты просторы,
Там страстью дышит темнота,
А люди клонят, словно воры,
К устам возлюбленным уста!
Быть может, в эту ночь, — Харит
Вновь ожили былые хоры,
Вновь Арес уронил свой щит,
Вновь Тасс у ног Элеоноры,
И мудрый Соломон, который
Изрек: «все в мире суета»,
Вновь клонит, позабыв укоры,
К устам возлюбленным уста.

Дитя! уснуть нам было б стыд,
Пойдем к окну, откроем сторы:
Стекло, железо и гранит,
Тишь улиц, спящие соборы...
Пусть вспыхнут в небе метеоры!
Пусть к счастью вскроются врата!
Пусть склонятся, безумно-скоры,
К устам возлюбленным уста!
Бегут, бегут поспешно Оры...
В моей душе — одна мечта:
Склонить к любимым взорам взоры,
К устам возлюбленным уста!

1913

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Когда торжественный Закат
Царит на дальнем небосклоне
И духи пламени хранят
Воссевшего на алом троне,—
Вещает он, воздев ладони,
Смотря, как с неба льется кровь,
Что сказано в земном законе:
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!
И призраков проходит ряд,
В простых одеждах и в короне:
Ромео, много лет назад

Пронзивший грудь клинком в Вероне;
Надменный триумвир Антоний,
В час скорби меч подъявший вновь;
Пирам и Паоло... В их стоне —
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!
И я баюкать сердце рад
Той музыкой святых гармоний.
Нет, от любви не охранят
Твердыни и от смерти — брони.
На утре жизни и на склоне
Ее к томленью дух готов.
Что день, — безжалостней, мудреней
Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!
Ты слышишь, друг, в вечернем звоне:
«Своей судьбе не прекословь!»
Нам свищет соловей на клене:
«Любовь и Смерть, Смерть и Любовь!»
1913

БАЛЛАДА ВОСПОМИНАНИЙ

На склоне лет, когда в огне
Уже горит закат кровавый,
Вновь предо мной, как в тихом сне,
Проходят детские забавы.
Но чужды давние отравы
Душе, вкусившей темноты.

Лишь вы, как прежде, величавы,
Любви заветные мечты!
Я помню: в ранней тишине
Я славил жгучий полдень Явы,
Сон пышных лилий на волне,
Стволы, к которым льнут удавы,
Глазам неведомые травы,
Нам неизвестные цветы...
Всё смыли, как потоком лавы,
Любви заветные мечты!
Я помню: веря злой весне,
Ловил я зыбкий призрак славы;
Казалось так желанно мне —
Грань преступать, ломать уставы.
Но понял я: все цепи — ржавы,
Во всем — обманы суеты:
И вы одни в сем мире правы,
Любви заветные мечты!
Сын Венеры, Амор лукавый,
Храни меня отныне ты,
Встают, как из-за леса главы,
Любви заветные мечты.

1913

ЗА КАРТАМИ

Опять истомой дышит март,
А запад вкрадчиво-малинов...

Сижу одна, узоры карт
В гаданьи вдумчивом раскинув.
Молчат дома, во мгле застынув,
Затихли гулы беготни,
И мнятся дальних звезд огни
Глазами падших властелинов.
Придешь ли вновь, мой юный бард,
Ко мне — с букетиком жасминов,
Стремительный, как горный нард,
Пленительные брови сдвинув?
К устам прижмешь ли кровь рубинов?
Шепнешь ли сладко: «Мы — одни!»
Глядя, как в те, иные дни,
Глазами падших властелинов?
В века Гекат, в века Астарт
Я призвала б чету дельфинов!
Произнесла б, возжегши нард,
Священный заговор Юстинов!
Быть может, рыбье сердце вынув,
Шептала б: «Друга примани!..»
И духи глянули б в тени
Глазами падших властелинов!
Ах! знал когда-то Бонапарт

Путь в скромный угол Жозефинов!
Горите ж, огоньки мансард,
Глазами падших властелинов!
1913

СЕКСТИНА

*Все кончено! я понял безнадежность
Меня издавна мучившей мечты...
«Все напевы»*

Я безнадежность воспевал когда-то,
Мечту любви я пел в последний раз.
Опять душа мучительством объята,
В душе опять свет радости погас.
Что славить мне в предчувствии заката,
В вечеровой, предвозвещенный час?
Ложится тень в предвозвещенный час;
Кровь льется по наклонам, где когда-то
Лазурь сияла. В зареве заката
Мятежная душа, как столько раз,
Горит огнем, который не погас
Под пеплом лет, и трепетом объята.
Пусть тенью синей вся земля объята,
Пусть близок мглы непобедимый час,
Но в сердце свет священный не погас:
Он так же ярко светит, как когда-то,

Когда я, робкий мальчик, в первый раз,
Склонил уста к устам, в лучах заката.
Священны чары рдяного заката,
Священна даль, что пламенем объята.
Я вам молился много, много раз,
Но лишь опять приходит жданный час,
Молюсь я на коленях, как когда-то,
Чтоб нынче луч в миг счастья погас!
Безвестная Царица! Не погас
В душе огонь священный. В час заката
Душа старинным пламенем объята,
Твержу молитву, что сложил когда-то:
«Приди ко мне, хоть и в предсмертный час,
Дай видеть лик твой, хоть единый раз!»
Любви я сердце отдавал не раз,
Но знал, что Ты — в грядущем, и не гас
В душе огонь надежды ни на час.
Теперь, в пыланьи моего заката,
Когда окрестность сумраком объята,
Всё жду Твоей улыбки, как когда-то!

1914

В МАСКЕ

Я лицо укрыл бы в маске...

Ф. Сологуб

ОБРАЗЫ ВРЕМЕН

Когда святых наук начала
Я постигал во храме Фта,
Меня, я помню, искушала
Твоя земная красота.
Но, согрешив, я с ложа прынул
И богу бездн огни возжег.
Твой облик в дым кадильный канул,
И я тебя вернуть не мог.
Не ты ли перси, как алмазы,
Бросала щедро мне на грудь?
Но финикиец одноглазый
На Рим повел надменный путь.
В смятеньи я твой дом оставил,
Молчал на все мольбы в ответ...
И дал врагу Эмилий Павел
В добычу также мой браслет!
Я, в золотой Антиохии,
Забыв, меж рыцарей других,
К святой земле пути святые,

Был счастлив вздохом уст твоих!
Но протрубил призыв военный,
Я поднял меч, я поднял щит,
И был мне чужд твой взор надменный,
Когда нас в бой стремил Годфрид!
И в дни, когда в провал кровавый
Свободы призрак толпы вел,
Ты мне сказала: «Все не правы,
Иди за мной, как прежде шел!»
Но зов борьбы, как рев пучины,
Покрыл призывные слова...
И, помню, с плахи гильотины
Моя скатилась голова.
Не кончен древний поединок,
Он длится в образах времен.
Я — воин, я — поэт, я — инок,
Еще тобой не побежден.
В глухом лесу, в огнях театра,
В случайных встречах, жду тебя:
Явись, предстань, как Клеопатра,
Чтоб вновь Антоний пал, любя!
Ноябрь 1907. 1912. 1914

МУМИЯ

Я — мумия, мертвая мумия.
Покровами плотными сдавленный,

Столетия я сплю бестревожно,
Не мучим ни злом, ни усладой,
Под маской на тайне лица.
И, в сладком томленьи раздумия,
В покой мой, другими оставленный,
Порой, словно тень, осторожно
Приходит, с прозрачной лампадой,
Любимая внучка жреца.
В сверкании лала и золота,
Одета святыми уборами,
Она наклоняется гибко,
Целует недвижимую маску
И шепчет заклатья любви:
«Ты, спящий в гробнице расколотой!
Проснись под упорными взорами,
Привстань под усталой улыбкой,
Ответь на безгрешную ласку,
Для счастья, для мук оживи!»
Стуча ожерельями, кольцами,
Склоняется, вся обессилена,
И просит, и молит чего-то,
И плачет, и плачет, и плачет
Над свитком покровов моих...
Но как, окружен богомольцами,
Безмолвен бог, с обликом филина,

Я скован всесильной дремотой.
Умершим что скажет, что значит
Призыв непрозревших живых!
1913

ИКСИОН И ЗЕВС

Иксион

О Зевс! где гром твой? до земли он
Не досягнул! где молнии все?
Пусть распинаем я, Иксион,
На беспощадном колесе!
Пусть Тартара пространства серы,
Пусть муки вечны впереди,—
Я груди волоокой Геры,
Дрожа, прижал к своей груди!

Зевс

Смертный безумец! не Геру ласкал ты!
Зевса забыл ты безмерную власть.
Призрак обманный в объятьях держал ты;
Я обманул ненасытную страсть!
Гера со мною, чиста, неизменна,
Здесь, на Олимпе, меж вечных богинь.
Смертный, посмевающий мечтать дерзновен-
но,
Вечно страдай, все надежды покинь!

Иксион

О Зевс! я радостную Геру
Привел к себе, в ночную тишь.
Чем эту пламенную веру
В моей душе ты заглушишь?
Так! сделай казнь страшней, огромней,
Я счастлив роковой судьбой!
А ты, богов властитель, помни,
Что я смеялся над тобой!

1913

ФИЛЛИДА

Я помню: мой корабль разбитый
Стал у Фракийских берегов.
О, кто ж явился мне защитой
В чужой стране, среди врагов?
Ты, Родопейская Филлида,
Царевна, косы чьи — как смоль!
Ты облегчила все обиды,
Всю сердца сумрачного боль!
И я, в опочивальне темной,
Испил все радости любви,
Припав, в безвольности нескромной,
На груди полные твои!
И что ж! На родине крещеньем
Мне встали козни, войны, понт,—
И годы медлил возвращеньем

К тебе неверный Демифонт!
Я верил: ты меня дождешься,
Моя далекая жена!
И снова в грудь мою вопьешься
Зубами, в неге полусна.
И вот опять на берег дальний
Я прибыл: но тебя здесь нет,
И только тихий куст миндальный
Твердит про счастье прошлых лет.
О! я вопьюсь в него зубами,
Приникну к золотой коре,
И, знаю, свежими листьями
Он обновится на заре!
Его я выпью кровь и соки,
Так, как любовник пьет любовь!
Как друг от друга мы далеки,
Как близки мы, Филлида, вновь!
1913

В РАЗРУШЕННОМ МЕМФИСЕ

Как царственно в разрушенном Мемфисе,
Когда луна, тысячелетий глаз,
Глядит печально из померкшей выси
На город, на развалины, на нас.
Ленивый Нил плывет, как воды Стикса;
Громады стен проломленных хранят

Следы кирки неистового гикса;
Строг уцелевших обелисков ряд.
Я — скромный гость из молодой Эллады,
И, в тихий час таинственных планет,
Обломки громкого бывшего рады
Шепнуть пришельцу горестный привет:
«Ты, странник из земли, любимой небом,
Сын племени, идущего к лучам,—
Пусть ты клянешься Тотом или Фебом,
Внимай, внимай, о чужестранец, нам!
Мы были горды, высились высоко,
И сердцем мира были мы в веках,—
Но час настал, и вот, под бурей Рока,
Погнулись мы и полегли во прах.
В твоей стране такие же колонны,
Как стебли, капителью расцветут,
Падет пред ними путник удивленный,
Их чудом света люди назовут.
Но и твои поникнут в прах твердыни,
Чтоб после путники иной страны,
Останки храмов видя средь пустыни,
Дивились им, величьем смущены.
Быть может, в землях их восстанут тоже
Дворцы царей и капища богов,—
Но будут некогда и те похожи

На мой скелет, простертый меж песков.
Поочередно скиптр вселенской славы
Град граду уступает. Не гордись,
Пришелец. В мире все на время правы,
Но вечно прав лишь тот, кто держит
высь!»

Торжествен голос царственных развалин,
Но, словно Стикс, струится черный Нил.
И диск луны, прекрасен и печален,
Свой вечный путь вершит над сном могил.
1913

СНЫ

В замке пышном и старинном, где пустынь
ный круг покоев

Освящен и облелеян грустной тайной ти-
шины,

Дни следя, как свиток длинный, жажду
жизни успокоив,

Я всегда мечтой оваян, я храню любовно
сны.

Сны приходят в пестрой смене, ряд виде-
ний нежит душу,

Но одна мечта меж ними мне дороже всех
других.

Ради милых умилений давней клятвы не

нарушу,

Утаю святое имя, не включу в певучий стих!

Словно девушка стыдлива, шаловлива, как ребенок,

И как женщина желанна, предо мной встанет она:

Губы сжаты так тоскливо, стан изогнутый так тонок,

И глаза глядят так странно — из глубин неясных сна!

В замке пышном и старинном, мы, в пустынной старой

зале,

Руки медленно сплетаем, там, где дремлют зеркала,

Соблазнительно-невинно, в дрожи счастья и печали,

Клятвы страсти повторяем, и от них бледнеет мгла.

Теплых уст прикосновенья, приближенья рук палящих,

И биенье близко, рядом, сердца в трепетной груди...

Но потом, как дуновенье, словно листьев

шелестящих,

С ветром, шепоты над садом, — тихий го-
лос: «Уходи!»

Зову тайному покорна, из упорных рук без
слова

Ускользя, на прощанье из стекла бросает
взгляд...

Но уже над бездной черной рой видений
вьется снова:

Форм бесстыдных очертанья, очи, губы, ха-
ос, ад...

В замке пышном и старинном, где пустынь-
но дремлют тени,

Как в безмолвии могилы, я живу в беззвуч-
ной мгле,

Сны слежу, как свиток длинный, чтоб сре-
ди иных видений

Увидать, как облик милый улыбнется мне
в стекле!

8 мая 1912

НА ПЕСКЕ

На песке, пред дверью бестиария,

На потеху яростных людей,

Быть простертым в сетке сполиария,

Слыша дикий вопль толпы: «Добей!»

Если взор не застлан тьмой кровавою,
Рассмотреть над сводом в вышине
Кесаря, что горд всемирной славою,
И весталок в белом полотне;
Круг красавиц, с пышными криналями,
Юношей, с веселием в очах,
Феба лик, сияющий над далями,
В чистых недоступных небесах;
Вспомнить все, что может сладко-бурного
Встретиться бесправному рабу:
Бред беспечный праздника Сатурнова,
Ласки потаенной ворожбу;
И, поняв, что в мире нет желаннее
Ничего, чем эта жизнь людей,—
Чуть шепнуть покорное прощание
Под гудящий вопль толпы: «Добей!»
1913

В ВАШИХ ЧЕРТОГАХ

В ваших чертогах мой дух окрылился.
А. Фет

«Вот вновь мои мечты ведут знакомый танец...» 1812–1912

Вот вновь мои мечты ведут знакомый та-
нец,

Знакомых образов рой реет вдалеке.

Ты снова предо мной, надменный корсика-
нец,

Вновь — в треуголке, вновь — в походном
сюртуке.

Любовник ранних дум, герой мечтаний
детства!

Твой гений яростный, как Демона, я чтил,
И грезам зрелых лет достался он в наслед-
ство...

Нет, я, Наполеон, тебя не разлюбил!

Мы все — игрушки сил, незримых, но мо-
гучих,

Марионетки — мы, и Рок играет в нас.

Но миру ты предстал, как зарево на тучах,

И до последних дней, блистая, не погас!
И вновь ты предо мной, великий, как бы-
вало,
Как в грозный день, когда над Неманом
стоял,
И рать бессчетная грудь родины топтала,
И злость Европы ты орлами окрылял.
Умел согласовать с Судьбой ты жест и сло-
во!
Актер великий! что Нерон перед тобой!
Ты в каждом действии являлся в маске но-
вой,
Владея до конца восторженной толпой.
Вождь малой армии, ты дерзок при Арко-
ле;
Король всех королей, в Берлине лестью
пьян;
И, как герой, велик в своей жестокой доле,
«Где сторожил тебя великий океан!»
Вершитель давних распрь, посланник Про-
виденья,
Ты ветхое стирал с Европы, новый мир
Являя пред людьми, — и будут поколенья
Восторженно взирать на бронзовый ку-
мир.

Александрийский столп! склонись перед
колонной

Вандомской! пусть ее свергали, но она
Опять возносится главою непреклонной,
И не свалить ее ветрам Бородина!
Не стыдно пасть в борьбе, как древнему ге-
рою,

Как пали некогда Титаны и Эдип.
И ты, внимая волн безжалостному вою,
Мог смело говорить: «Мой подвиг не по-
гиб!»

Тиран в кругу льстецов! губитель сил на-
рода!

Ненасытимый вождь! вместилище войны!
Тобою создана в пяти странах свобода,
И цепи ржавые тобой сокрушены!
Будь славен! И Тильзит, и «солнце Аустер-
лица»

Не страшны в прошлом нам. Они прошли,
как сон.

Из пепла выросла сожженная столица,
И, русские, тебя мы чтим. Наполеон!
За все: за гений твой, за дерзость, за над-
менность,
За красоту твоей слепительной судьбы,

За то, что ты познал земных величий брен-
ность,

За то, что показал, как жалки все рабы.

Ты был примером нам, и за тобой, упорны,
Должны стремиться мы! Пусть нас ведут
орлы

К Фридланду, на Ваграм, — а там пусть
жеребий черный

Повергнет нас во прах, на знойный край
скалы!

Июль 1912

ГАРИБАЛЬДИ

Что сделал ты, кем был, не это важно!

Но ты при жизни стал священным ми-
фом,

В народной памяти звенишь струной про-
тяжной,

Горишь в веках святым иероглифом!

Что свято в слове роковом «свобода»,

Что в слове «родина» светло и свято,

Для итальянского народа

Всё в имени твоём объято.

Кто б ни был итальянец: ладзарони,

Купец, поэт, вельможа, иль убийца,—

Он склонится, как пред царем в короне,

Пред красным колпаком гарибальдийца.
Ты в сотнях изваяниях умножен,
В деревне, в городе, в открытом поле;
Стоишь, восторжен и тревожен,
Зовя сограждан к торжеству и к воле;
Но, пламенный трибун и вождь толпы
упорный,

При всех паденьях не терявший веры!

Твой пьедестал нерукотворный —

Гранит Капреры!

10 декабря 1913

ПЕВЦУ «СЛОВА»

Стародавней Ярославне тихий ропот струн;
Лик твой скорбный, лик твой бледный,
как и прежде, юн.

Раным-рано ты проходишь по градской
стене,

Ты заклятье шепчешь солнцу, ветру и вол-
не,

Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке
Каял,

Где без сил, в траве кровавой, милый за-
дремал.

Ах, о муже-господине вся твоя тоска!

И, крутясь, уносит слезы в степи Днепр-ре-

ка.

Стародавней Ярославне тихий ропот струн.

Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.

Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто «Слово» спел,

Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?

Или русских женщин лики все в тебе слиты?

Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты!

На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!

И, крутясь, уносит слезы песнь певца — в века!

1912

ПЕТЕРБУРГ

Здесь снов не ваял Сансовино,
Не разводил садов Ле-Нотр.
Все, волей мощной и единой
Предначертал Великий Петр.
Остановив в болотной топи
Коня неистового скок,

Он повернул лицом к Европе
Русь, что смотрела на Восток;
Сковал седым гранитом реки,
Возвысил золоченый шпиль,
Чтоб в ясной мгле, как призрак некий,
Гласил он будущую быль.
Вдали — поля, поля России,
Усталый труд, глухая лень,
Всё те же нивы вековые
Всё тех же скудных деревень;
Вдали, как редкие цветенья,
Шумят несмело города,
В краях тоски и униженья,
Былого рабства и стыда.
Но Петроград огнями залит,
В нем пышный роскоши расцвет,
В нем мысль неутомимо жалит,
В нем тайной опьянен поэт,
В нем властен твой холодный гений,
Наш Кесарь-Август, наш Ликург!
И отзвуком твоих стремлений
Живет доньше Петербург!

1912

ТРИ КУМИРА

В этом мутном городе туманов,
В этой, тусклой безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле,—
Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой;
А другой, с торжественным обличем,
Строгое спокойствие храня,
Упоенный силой и величьем,
Правит скоком сдержанным коня;
Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувшем упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.
Иступленно скачет Всадник Медный;
Непоспешно едет конь другой;
И сурово, с мощностью наследной,
Третий конник стынет над толпой,—
Три кумира в городе туманов,
Три владыки в безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле.

1 декабря 1913

«БАХУС» РУБЕНСА

Бахус жирный, Бахус пьяный
Сел на бочку отдохнуть.
За его плечом — багряный
Женский пеплум, чья-то грудь.
Бочка словно тихо едет,
Словно катится давно,
Но рукой привычной цедит
В чашу женщина вино.
Весел бог черноволосый,
Ждет вечерней темноты;
Кое-как льняные косы
У подруги завиты.
Скрыто небо черной тучей,
Мгла нисходит на поля...
После чаши — ласки жгучи,
И желанный одр — земля!
Но, забыв про грезы эти,
Опрокинув к горлу жбан,
Жадно влагу тянет третий...
Ах, старик, ты скоро — пьян.
Только девочке-малютке
Странно: что же медлит мать?
Только мальчик, ради шутки,
Рубашонку рад поднять.

Из пяти — блаженны двое;
Двум — блаженство знать потом;
Пятый ведал все земное,
Но блажен и он — вином.
1912

ФИОЛЕТОВЫЙ

В ДУШЕВНОЙ ГЛУБИНЕ

Есть мысли тайные в душевной глубине.

А. Майков

*Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи.*
Ф. Тютчев

НОВАЯ СЕСТРА

*Вкруг меня наклоняется хор
возвратившихся дев...
«Все напевы»*

Здравствуй, здравствуй, новая сестра,
К нам пришедшая, с тоской во взоре,
В час, когда дорога серебра
Перешла олуненное море!
Пышен твой причудливый наряд,
Крупны серьги из морских жемчужин,
Ярок над челом алмазов ряд,
А над лоном пояс странно сужен.

Кто ты? Полы храмовых завес
Вскрыв, не ты ль звала служить Ашере?
Иль тебе дивился Бенарес,
Меж святых плясуний, баядере?
Иль с тобой, забыв войну, Тимур
На пушистых шкурах спал в гареме?
Иль тебя толпе рабов Ассур
Представлял царицей в диадеме?
Все равно. Войди в наш тесный круг,
Стань теперь для мира безымянной.
Видишь: месяца прозрачный плут
Распахал уже простор туманный.
Час подходит потаенных снов,
Восстающих над любовным ложем...
Мы, слыша предрешенный зов,
Не сойти к избранникам не можем.
Будь готова к буйству новых плясок
И к восторгу несказанных пыток,
Чтоб излить вино запретных ласк,
Словно смешанный с огнем напиток!
Будь готова, новая сестра,
Наклоняясь к тайнам изголовий,
Досказать начатую вчера
Сказку счастья, ужаса и крови!

22 июля 1913

УМИРАЮЩИЙ ДЕНЬ

Минувший день, склоняясь головой,
Мне говорит: «Я умираю. Новый
Уже идет в порфире огневой.
Ты прожил день унылый и суровый.
Лениво я влачил за часом час:
Рассвет был хмур и тускл закат багровый.
За бледным полднем долго вечер гас;
И для тебя все миги были скудны,
Как старый, в детстве читанный, рассказ.
Зато со мной ты путь прошел нетрудный,
И в час, когда мне — смерть, и сон — тебе,
Мы расстаемся с дружбой обоюдной.
Иным огнем гореть в твоей судьбе
Другому дню, тому, кто ждет на смене.
Зловещее я слышу в ворожбе
Угрюмых парк. О, бойся их велений!
Тот день сожжет, тот день тебя спалит.
Ты будешь, мучась, плакать об измене,
В подушки прятать свой позор и стыд,
И, схвачен вихрем ужаса и страсти,
Всем телом биться о ступени плит!
Но день идет. Ты — у него во власти.
Так молви мне: „прости“, как другу. Я —
День без восторгов, но и без несчастий!»

В смущеньи слушаю; душа моя
Знакомым предвкушением объята
Безумной бури в бездне бытия...
Как эти штормы я любил когда-то.
Но вот теперь в душе веселья нет,
И тусклый день жалею я, как брата,
Смотря с тоской, что теплится рассвет.
28 марта 1915

ОКЕАН — РУЧЬЮ

Я — океан, соленый и громадный;
Люблю метать на берег пенный вал,
Люблю ласкать, целуя пастью жадной,
Нагие груди сине-сизых скал.
Люблю, затеяв с бурей поединок,
Вносить до туч поверхность зыбких вод,
Бросать китов, как маленьких сардинок,
Смеясь, кренить озлобленный дреднот!
Я — океан, соленый и холодный.
Зачем же ты, дрожа, ко мне приник,
Земной поток, спокойный, пресноводный,
Целуешь устьем мой огромный лик?
Привык ты литься по лесным полянам,
Поить людей, их отражать глаза...
Тебе ли слиться с древним океаном,
С тем, с кем дружат — лишь ветер да гроза!

Ступай назад, к своим лугам зеленым,
Предайся грезам, в вечно-мирном сне,
Иль сдайся бурям, темным и соленым,
Растай, исчезни, потони во мне!
Май 1913

НОЧЬ

Ветки темным балдахинном свешивающиеся,
Шумы речки с дальней песней смешивающиеся,

Звезды в ясном небе слабо вздрагивающие,
Штампы роз, свои цветы протягивающие,
Запах трав, что в сердце тайно вкрадывается,

Теней сеть, что странным знаком складывается,
Вкруг луны живая дымка газовая,
Рядом шепот, что поет, досказывая,
Клятвы, днем глубоко затаенные,
И еще, — еще глаза влюбленные,
Блеск зрачков при лунном свете белом,
Дрожь ресниц в движении несмелом,
Алость губ не отскользнувших прочь,
Милых, близких, жданных... Это — ночь!
5 января 1915

УСНИ, БЕЛОСНЕЖНОЕ ПОЛЕ

Усни, белоснежное поле!
Замри, безмятежное сердце!
Над мигом восходит бесстрастье;
Как месяц, наводит сиянье
На грезы о нежащей страсти,
На память о режущей ласке...
Конец. Отзвучали лобзанья.
В душе ни печали, ни счастья...
Так спят безответные дали,
Молчат многоцветные травы,
Одеты холодным покровом,
Под синим, бесплодным сияньем.
Спи, спи, белоснежное поле!
Умри, безнадежное сердце!
29—30 октября 1914

ВСЕМ

О, сколько раз, блаженно и безгласно,
В полночной мгле, свою мечту храня,
Ты думала, что обнимаешь страстно —
Меня!
Пусть миги были тягостно похожи!
Ты верила, как в первый день любя,
Что я сжимаю в сладострастной дрожи —
Тебя!

Но лгали образы часов бессонных,
И крыли тайну створы темноты.
Была в моих объятьях принужденных —
Не ты!
Вскрыть сладостный обман мне было больно,
но,

И я молчал, отчаянье тая...

Но на твоей груди лежал безвольно —
Не я!

О, как бы ты, страдая и ревнуя,
Отпрянула в испуге предо мной,
Поняв, что я клонюсь, тебя целую,—
К другой!

15 июля 1915

Бурково

НАД ОМУТОМ

Ветер, сумрачно пророчащий,
Всплеск волны, побережье точащей,
Старых сосен скорбный скрип...
Строго — древнее урочище!
Миновав тропы изгиб,
Верю смутно, что погиб.
На граните, вдоль расколотом,
Отливая тусклым золотом,
Куст над омутом повис.

Застучит в виски, как молотом,
Если губельный каприз
Вдруг заставит глянуть вниз.
Холодна вода глубокая...
Но со дна голубокая
Дева-призрак поднялась.
Иль уже в воде глубоко я?
Иль русалка, засмеясь,
Белых рук замкнула связь?
Ветер плачется, пророчащий;
Плещет вал, побережье точащий;
Смолкли всплески быстрых рыб.
Строго — древнее урочище!
Стонет сосен скорбный скрип,
Что еще пришлец погиб!

12 сентября 1915

КАЛЕЙДОСКОП

Забава милой старины,
Игрушка бабушек жеманных,
Ты им являл когда-то сны
Видений призрачных и странных.
О, трубочка с простым стеклом,
Любимица княгинь и графов!
Что мы теперь в тебе найдем,
В годину синематографов?

Позволь к тебе приблизить глаз;
Своей изменчивой усладой
(Ах, может быть, в последний раз!)
Его обманчиво обрадуй!
Ярко и четко, в прозрачности синей,
Ало-зеленые звезды горят.
Странны случайности сломанных линий...
Это — кометы в эфирной пустыне,
Это — цветы на лазоревой льдине,
Чуждых цветов металлический сад!
Миг, — всё распалось в стремительной
смене!

Кто, окрыленный строитель, воздвиг
Эти дворцы упоительной лени,
Башни безвестных, ленивых Армении,
Те арабески и эти мишени,
Эти фонтаны из золота? — Миг, —
Вновь всё распалось, и встали кораллы,
Вкруг перевиты живым жемчугом.
Или рубины, пронзительно-алы,
Яркость вонзили в живые кристаллы?
Или наполнены кровью бокалы,
Белый хрусталь ярко-красным вином?
Довольно! детства давний друг,
Ты мне опять напомнил грезы,

Когда так сладостно вокруг
Сплетались трауры и розы!
Ты мне вернул забытый рай
Из хризолита и сапфира!
Опять безмолвно отдыхай,
Тайник непознанного мира.
Свой лал, свой жемчуг, свой алмаз
Таи, окованный молчаньем,
Пока опять захочет глаз
Прильнуть к твоим очарованьям.
1913

В МИНУТУ ЖИЗНИ...

В минуту жизни трудную...
М. Лермонтов

У РАЙСКИХ ВРАТ

Мимо стен таинственного Рая
Я не раз в томленьи проходил.
Там цветы цвели, благоухая,
Там фонтан жемчужной пылью бил.
У ворот неведомого Рая
Я, как прежде, голову склонил.
И, как прежде, знаю: не войти мне
В эти, ладом яркие, врата.

Не прославит в умиленном гимне
Счастье жизни тихая мечта.
Да, как прежде, знаю: не войти мне,—
Дверь, сверкая лалом, заперта.
И опять, далеким полукругом,
В степь глухую путь мой поведет.
Там — один, с любовницей иль с другом —
Буду слышать грозный зов: «Вперед!»
Путь ведет далеким полукругом,
И пылает жгучий небосвод.

24 апреля 1915

Варшава

ЕДИНОБОРСТВО

Я — побежден, и, не упорствуя,
Я встречу гибельный клинок.
Я жизнь провел, единоборствуя,
С тобою, Черный Рыцарь, Рок.
Теперь, смирясь, теперь, покорствуя,
Я признаю: исполнен срок!
Немало выпадов губительных
Я отразил своим щитом,
Ударов солнечно-слепительных,
Горевших золотым огнем.
И, день за днем, я, в схватках длительных,
С тобой стоял, к лицу лицом.

Не раз я падал, опрокинутый;
Мой панцирь был от крови ал,
И я над грудью видел — вынутый
Из ножен твой кривой кинжал.
Но были миги смерти минуты,
И, с новой силой, я вставал.
Пусть, пусть от века предназначено,
Кому торжествовать из нас:
Была надежда не утрачена —
Продлить борьбу хоть день, хоть час!
Пусть горло судорогой схвачено,
Не мне просить о *coup de grace!*[4]
Вот выбит меч из рук; расколото
Забрало; я поник во прах;
Вихрь молний, пламени и золота
Всё вокруг застлал в моих глазах...
Что ж медлить? Пусть, как тяжесть моло-
та,
Обрушится последний взмах!
Декабрь 1913

МОЛИТЬСЯ

Молиться? Я желал
Молиться, но душа,
Как дорогой кристалл,
Блестит, не дыша.

Упав на грани, луч
Стоцветно отражен,
Но, благостен и жгуч,
Внутри не проникнет он.
Внутри, как в глыбе льда,
Лишь вечный холод; вздох
Не веет никогда...
Сюда ль проникнет Бог?
Бог — лишь в живых сердцах,
Бог есть живой союз:
Он в небе, Он в волнах,
В телах морских медуз.
Кристалл же мертв. Горит
Лишь мертвым он огнем,
Как камень драконит,
Зажженный смертным сном.
Молиться? Я хочу
Молиться, но душа
Ответствует лучу
Блистаньем, не дыша.
25 ноября 1913

РОНДО

Я плачу. Вдоль пути печален сосен ряд.
Уснул ямщик, забыв стегать худую клячу.

Смотря на огненный, торжественный закат,

Я плачу.

Там, в небе пламенном, я, малый, что я значу?

Здесь тихо дни ползут, а там века летят,
И небу некогда внимать людскому плачу!

Так и в ее душе — я, только беглый
взгляд...

И с мыслью обо всем, что скоро я утрачу,
С унылой памятью утеранных усад,
Я плачу...

1912

ЧЕЙ-ТО ЗОВ

Чей-то зов, как вздох усталый...

Иль то шепчут чаши лилий,

Те, что в узкие бокалы

Стебли змейно опустили?

Чей-то зов, как вздох усталый...

Иль то — песня, что пропели

В ярком блеске тронной залы

Пред Изоттой менестрели?

Чей-то зов, как вздох усталый...

Иль доносятся приветы

До земли, песчинки малой,

Сквозь эфир с иной планеты?
Чей-то зов, как вздох усталый...
Иль то снова голос милый,
Сквозь покров травы завялой,
Долетает из могилы?
27 августа. 1913–1914

В ЛЕСУ

Если сердцу тяжело и грустно,
И надежда сомнением отравлена,
Во дни крестоносных битв,—
Помолись молитвой изустной,
Где благодать небесная явлена,
Сладчайшей из сладких молитв.
«Блажени плачущий, яко тии утешатся,
Блажени алчущий, яко тии насытятся,
Блажени есте, егда ижденут...»
Хорошо в лесу, пред боем, спешиться,
Духом от праха к горним восхититься,
Одинок свершить над собой Страшный
суд.

Настанут сраженья минуты суровые,
Раненых крики замрут без участия,
Как цепи, застучат мечи о щиты;
Тут сводом свисают листочки кленовые,
И незримо с небес подаешь мне причастие,

Всех скорбящих Заступница, Ты!
24 ноября 1913

НА ПАМЯТНОМ ЛИСТКЕ

*...жив у вас на памятном листке.
Кн. П. А. Вяземский*

*...на памятном листке
оставит мертвый след...
А. Пушкин*

Н. Н. САПУНОВУ

*По небу полуночи...
М. Лермонтов*

Когда твою душу в объятиях нес
Твой ангел в селения слез,
Не небом ночным он с тобою летел,
Он тихую песню не пел.
Тебя проносил он, печален и нем,
Через дивно сиявший Эдем,
Где, в блеске неведомой нам красоты,
Дышали живые цветы;
Где высился радуг стокрасочных свод
Над яркой прозрачностью вод;
И отсветы чудных и нежных огней

В душе затаились твоей.

Всю краткую жизнь ты томился мечтой,

Как выразить блеск неземной,

Любя безнадежно земные цветы,

Как отблеск иной красоты.

27 марта 1914

НА СМЕРТЬ А. Н. СКРЯБИНА

Он не искал — минутно позабавить,
Напевами утешить и пленить;
Мечтал о высшем: Божество прославить
И бездны духа в звуках озарить.
Металл мелодий он посмел расплавить
И в формы новые хотел излить;
Он неустанно жаждал жить и жить,
Чтоб завершённым памятник поставить,
Но судит Рок. Не будет кончен труд!
Расплавленный металл бесцельно стынет:
Никто его, никто в русло не двинет...
И в дни, когда Война вершит свой суд
И мысль успела с жатвой трупов сжить-
ся,—

Вот с этой смертью сердце не мирится!

17 апреля 1915

Варшава

Ф. СОЛОГУБУ

Триолет

Зев беспощадной орхидеи —
Твой строгий символ, Сологуб.
Влечет изгибом алчных губ
Зев беспощадной орхидеи.
Мы знаем, день за днем вернее,
Что нам непобедимо люб —
Зев беспощадной орхидеи,
Твой строгий символ, Сологуб!
1913

ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

Струя струны лиры клирной,
Братьев ты собрал на брань.
Плащ алмазный, плащ сапфирный
Сбрось, отбрось свой посох мирный,
В блеске светлого доспеха, в бледно-мед-
ном шлеме встань.
Юных лириков учитель,
Вождь отважно-жадных душ,
Старых граней разрушитель,—
Встань пред ратью, предводитель,
Сокрушай преграды грезы, стены тесных
склепов рушь!
Не пеан взывает пьяный,
Чу! гудит автомобиль!

Мчат, треща, аэропланы
Храбрых в сказочные страны!
В шуме жизни, в буре века, рать веды,
взметая пыль!

20 января 1912

ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ
Сонет-акrostих с кодою

И ты стремишься ввысь, где солнце — веч-
но,

Где неизменен гордый сон снегов,
Откуда в дол спадают бесконечно
Ручьи алмазов, струи жемчугов.
Юдоль земная пройдена. Беспечно
Свершай свой путь меж молний и громов!
Ездок отважный! слушай вихрей рев,
Внимай с улыбкой гневам бури встречной!
Еще грозят зазубрины высот,
Расщелины, где тучи спят, но вот
Яснеет глубь в уступах синих бора.
Назад не обращай тревожно взора
И с жадной жаждой новой высоты
Неутомимо правь конем, — и скоро
У ног своих весь мир увидишь ты!

1912

НИКОЛАЮ БЕРНЕРУ

Сонет-акrostих

Немеют волн причудливые гребня,
И замер лес, предчувствуя закат.
Как стражи, чайки на прибрежном щебне
Опять покорно выстроились в ряд.
Любимый час! и даль и тишь целебней!
Алмазы в небе скоро заблестят;
Юг расцветет чудесней и волшебной;
Бог Сумрака сойдет в свой пышный сад.
Есть таинство в сияньи ночи южной,
Роднящей душу с вечной тишиной,
Нас медленно влекущей в мир иной.
Есть миг, когда и счастья не нужно:
Рыдать — безумно, ликовать — смешно —
У мирных вод, влекущих нас на дно.
1912

ПУТЬ К ВЫСОТАМ

Сонет-акrostих

Путь к высотам, где музы пляшут хором,
Открыт не всем: он скрыт во тьме лесов.
Элада, в свой последний день, с укором
Тайник сокрыла от других веков.
Умей искать; умей упорным взором
Глядеть во тьму; расслышь чуть слышный

ЗОВ!

Алмазы звезд горят над темным бором,
Льет ключ бессонный струи жемчугов.
Пройди сквозь мрак, соблазны все минуя,
Единую бессмертную взыскаю,
Рабом склоняйся пред своей мечтой,
И, вдруг сожжен незримым поцелуем,
Нежданной радостью, без слов, волнуем,
Увидишь ты дорогу пред собой.

1912

МОЙ МАЯК Мадригал

Мой милый маг, моя Мария,—
Мечтам мерцающий маяк.
Мятежны марева морские,
Мой милый маг, моя Мария,
Молчаньем манит мутный мрак.
Мне метит мели мировые
Мой милый маг, моя Мария,
Мечтам мерцающий маяк!

1914

ДЕВЯТОЕ МАРТА

Сорок было их в воде холодной
Озера, — страдавших за Христа.
Близился конец их безысходный,

Застывали взоры и уста;
И они уже не в силах были
Славить Господа в последний час;
Лишь молитвой умственной хвалили
Свет небесный, что для них погас...
А на берегу, в храмине открытой,
Весело огонь трещал в печи;
Сотник римский там стоял со свитой,
Обнажившей острые мечи;
Восклицал он, полн ожесточенья,
Обращаясь к стынущим телам:
«Августа получит тот прощенье,
Кто ему воскурит фимиам!»
И один из мучимых (не скажем
Имени), мучений не снеся,
Выбежал на берег и крикнул стражам:
«От Христа — днесь отрекаюсь я!»
Но едва хотел он ароматы
Перед ликом Августа возжечь,
Пал на землю, смертным сном объятый,
Там, где весело трещала печь.
И увидел сотник: с неба сходят
Сорок злато-огненных венцов
И, спускаясь к озеру, находят
Тридцать девять благостных голов.

Обращен внезапно к правой вере,
Сотник вскрикнул: «Буду в царстве том!»
И на гибель бросился Валерий,
Осенен сороковым венцом.
9 марта 1913

ЛИРА И ОСЬ

Вячеславу Иванову

1. ЛИРА

Прозрев, я в лиру верую
В медлительном раздумьи,
Как веровал в безумьи
Палящей слепоты.
На глубь зелено-серую,
Где буйствуют буруны,
Опять настроив струны,
Смотрю, без слез, как ты.
На этой грани каменной,
Блуждая без лазури,
Под вопль веселый бури,
Корабль мой сокрушен.
Но я, с надеждой пламенной,
Воззвал к богам единым,
И плещущим дельфином
Спасен я, Арион!

Здесь, под скалой свисающей,
Где тени странно-сизы,
Под солнцем бросив ризы,
Я новый гимн пою,
И ветер, сладко тающий
В своем полете скором
Над стихнувшим простором,
Донес мне песнь твою.
Всем суждены крушения,
Кто поднял парус белый,
Кто в море вышел, смелый,
Искать земли иной!
Благих богов решения
Да славят эти песни:
Опасней и чудесней
Да будет жребий твой!

2. Ось

Ты — мне: «Когда у нижней меты
Квадрига рухнет, хрустнет ось,
И будут сотни рук вздеты,—
Ристатель! страх напрасный брось!
Пусть мышцы сильные не дрогнут,
Скорей клинок свой вознеси!..»
И, не повергнут и не согнут,
Я стал у сломанной оси.

Нет, я не выбуду из строя,
Но, силы ярые утрая,
Вновь вожжи туго закручу!
Уже на колеснице новой,
Длится состязание готовый,
Стою, склоняю грудь, лечу!
Драконы ли твои, Медея,
Триптолема ль живая ось
Меня возносят, пламенея,—
Но коням не помчаться врозь!
Стою и грудь склоняю косо,
Как на земле, так в небеси:
Пусть вихрятся в огне колеса
На алмазной оси.
И верю: срыва Фазтона
Я мину на изгибе склона,
Где все чудовища грозят,
И по дуге сходящей неба
Направлю колесницу Феба —
Зажечь стопламенный закат.

1913–1914

Эдинбург II

Примечания

1

Преисполнись гордости... Гораций (лат.).

[^^^]

Сгинь! (лат.)

[^^^]

3

«Род мой Азры, для которых неразлучна
смерть с любовью».

Г. Гейне (нем.).

[^^^]

4

Удар из милости (фр.) — удар, прекращающий мучения

[^^^]